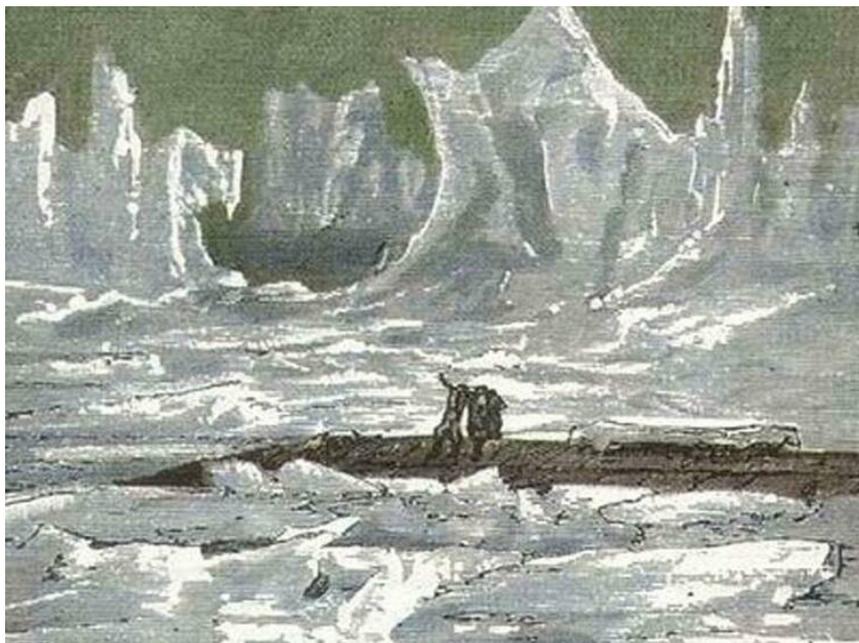

1. «Наутилус» на севере

«Наутилус» во льдах. Иллюстрация к первому изданию романа «20 000 лье под водой» 1869 г. Художники Невиль и Рью.

У будущего, как ни странно, тоже может быть прошлое... Минувшее и грядущее - равноценные составляющие, без которых настоящее просто невозможно. А что если попытаться соединить их между собой? Причем не абстрактно, а применительно к нашему краю. Проследить, как выглядели представления о завтрашнем дне Мурмана много лет назад. В произведениях писателей-фантастов и в реальных, предлагавшихся к осуществлению планах. Попробуем? Тогда - начали.

Кто из нас не зачитывался в детстве книгами Жюль Верна, не следил с замиранием сердца за поисками капитана Гранта, не рисовал на картах маршруты капитана Немо, не переживал за судьбу пяти американцев, заброшенных бурей на таинственный остров. Знаменитый француз, ставший одним из основоположников сформировавшегося во второй половине XIX столетия жанра научной фантастики, писал и о нашей стране. Действие девяти его романов полностью или частично происходит в России, где сам он, увы, так ни разу и не побывал.

Полюс на продажу

Прямое упоминание о Кольском полуострове в его произведениях встретилось мне лишь однажды. В первом томе подготовленной Верном «Истории великих путешествий» среди прочего описана и трагическая гибель команды корабля Хью Уиллоби в устье реки Варзины в 1554 году.

Но существует еще по крайней мере одно творение писателя, действие которого, пусть и опосредованно, касается Мурмана: последняя часть трилогии Пушечного клуба - созданный в 1889-м роман «Вверх дном». Сегодня, пожалуй, эту вещь можно считать антиутопией. Судите сами.

По сюжету, в американском Балтиморе образовано общество, именуемое себя Арктической промышленной компанией и планирующее разработку залежей каменного угля на Северном полюсе. 3 декабря 189... года оно устраивает аукцион, на котором выставлены на продажу все земли Северного полушария от 84 параллели до самой макушки планеты.

На эти территории претендуют США, Англия, Дания, Швеция-Норвегия, Голландия и Россия. На аукционе побеждают Штаты... Вам это ничего не напоминает? Например, перешедший уже в практическую плоскость современный раздел Арктики?

Для того чтобы получить доступ к богатствам полярных недр, решено с помощью выстрела из громадной пушки сместить орбиту Земли. Акционерам Арктической промышленной компании сообщают, что «перемещения на двадцать три с половиною градуса будет вполне достаточно для того, чтобы наша Северная область со всеми своими ледяными полями получила то количество тепла, при наличии которого растают ее снега и льды». Ну чем не глобальное потепление?

Кольский полуостров едва не утонул

Однако постепенно выясняются неприятные подробности. Из-за таяния арктических льдов уровень моря повысится больше чем на три тысячи метров, практически все северные районы планеты будут затоплены. В том числе, безусловно, и Кольский полуостров. Еще треть мировой территории останется без воздуха. Показательна реакция «цивилизованного» общества: «Если бы под вновь образовавшимися морями исчезли только якуты, лапландцы (то есть саамы, живущие в том числе и в нашем крае! - Д. Е.), патагонцы, даже китайцы и японцы, - ну, тогда, быть может, европейские державы и примирились бы с этой катастрофой. Но она заденет интересы слишком многих государств, и общий протест неизбежен». Теперь это назвали бы двойными стандартами. К счастью для населения Земли, из-за ошибки в расчетах решающий выстрел заканчивается ничем, и все остается как прежде.

Краешком задевает Жюль Верн тему, связанную с нашим краем в романе «Удивительные приключения дядюшки Антифера», увидевшем свет в 1894 году. Часть действия там происходит на севере Норвегии, в одном из главных центров поморской торговли - Хаммерфесте. «Гаммерфест, - сообщает писатель, - по преимуществу город рыбы и всех добываемых рыбной ловлей продуктов. Рыбу едят собаки, рыбу ест рогатый скот, рыбу едят бараны и козы, и сотни судов, работающих в этих удивительных краях, вывозят гораздо больше того, что в действительности съедается».

Вывозили рыбу и поморы, покупавшие ее и менявшие на хлеб. Среди сотен поморских судов, ежегодно швартовавшихся в Хаммерфесте, были и те, что приходили из Колы - древней столицы Мурмана.

В команде великого князя

Известно, что самой северной страной, где побывал классик мировой фантастики, стала Норвегия. Он посетил ее в 1861 году и с тех пор не раз упоминал в своих произведениях. Да ведь и сверхпопулярные «20 000 лье под водой» заканчиваются, если помните, тем, что «Наутилус», ведомый капитаном Немо, едва не гибнет в гигантском водовороте у Лофотенских островов.

20 000 лье - это приблизительно 100 тысяч километров - несколько кругосветных путешествий. Неужели за годы скитаний удивительный подводный корабль ни разу не подходил к берегам Кольского полуострова? Оказалось, подходил. Правда, завел его туда вовсе не Жюль Верн... Но не будем забегать вперед.

В 60-70-е годы позапрошлого века, когда создавались романы о капитане Немо, освоение Мурмана постепенно переходило из теоретической плоскости в практическую. Одним из главных оставался вопрос, нужен ли здесь, на заполярной окраине России, морской порт. Среди тех, кто пытался внести свою лепту в его решение, был и великий князь Владимир Александрович, позже, в 1885-м, возглавивший экспедицию, обследовавшую северные районы страны.

Членом, как сказали бы сейчас, команды великого князя, сопровождавшим его в этом путешествии, стал литератор Константин Случевский. Подплывая к суровым берегам Кольского полуострова, Константин Константинович, несомненно, уже знал, кто такой

капитан Немо. Впервые на русском языке роман «20 000 лье...» появился в 1870 году сразу в двух журналах, а в последующие несколько лет в Петербурге и Москве произведение было издано в четырех разных переводах. «Восемьдесят тысяч верст под водой. Путешествие под волнами океана» - так назывался роман в самом известном из них, принадлежащем перу Марко Вовчка.

Капитан Немо у наших берегов

«Нужна ли нам вообще гавань на Мурмане? - размышлял Случевский в своих путевых заметках, составивших впоследствии двухтомник «По северо-западу России». - Нужна ли военная или можно было бы удовлетвориться коммерческой? Нужно ли иметь тут военный оплот или достаточно довольствоваться норвежскими крепостями? Если нужно, то подходят ли гавань Иокангская или Екатерининская, или какая-либо третья? Все это вопросы большой важности».

Со временем перспективы появления порта стали проясняться. В 1896 году в Кольском заливе началось сооружение Александровска - нынешнего Полярного. А в 1898-м у берегов Мурмана появился капитан Немо.

Не знаю уж, наблюдал бывший мятежный принц Даккар за строительством Александровска или изучал обогревающее наш край ответвление Гольфстрима, но именно в здешних заполярных водах случилось нечто, изменившее его планы. Он узнал об удивительном человеке, поселившемся вдали от благ цивилизации - на Новой Земле, в окрестностях пролива Маточкин Шар.

По дошедшим до Немо сведениям, талантливый ученый Фиц-Рой благодаря своим изобретениям заставил природу служить людям и обеспечил себе в арктической пустыне вполне комфортное существование. Создатель «Наутилуса» был заинтригован и, кроме того, почувствовал в новоземельском отшельнике родственную душу - такого же исследователя и изобретателя, каким являлся сам. Немо отправился в путь.

Арктические чудеса и пророчества

В три дня преодолев расстояние от Кольского полуострова до Маточкина Шара, капитан Никто (именно так переводится с латинского слово «немо») разыскал Фиц-Роя, и тот пригласил его погостить. Чего только не было в хозяйстве ученого: оранжерея с кактусами, пальмами и фонтаном, парники и теплицы в прибрежных утесах, незримая электрическая изгородь, обширный и уютный жилой дом, высеченный в массивной - семьсот тонн весом! - скале, явно оторванной от вершины ближайшей сопки. А еще - прибор, позволяющий видеть на десятки миль вокруг, очки, способные проникать взором непрозрачные предметы, корабль, превращающийся на суше в автомобиль, буер, оснащенный электрическим двигателем, и многое, многое другое. Спустя три дня пораженный до глубины души Немо возвратился на «Наутилус» и отплыл... в Одессу, решив познакомиться с Россией поближе - теперь уже с южной стороны.

Стоит ли пояснять, что человеком, приведшим укрывшегося от мира в подводных глубинах индийского аристократа к студеному побережью Мурмана, был не кто иной, как Константин Случевский. Посещение нашего края отозвалось в его творчестве не только циклом стихов и путевыми очерками, но и фантастическим рассказом «Капитан Немо в России: глава из Жюль Верна, никем и нигде не напечатанная». Опубликованная в 1898 году, эта вещица, отчасти шуточная и пародийная, помимо всего прочего интересна для нас еще и тем, что в ней впервые описано плавание субмарины там, где впоследствии возникли мощные базы отечественного подводного флота.

Наследниками 20 000 лье «Наутилуса» стали моряки-североморцы, обогнувшие в 1966 году земной шар, ни разу не всплыв на поверхность. Пророчески звучат ныне и слова Случевского о том, что едва ли может и на самом Крайнем Севере существовать глушь для человека, что «от него самого зависит населить эту глушь всеми созданиями своего труда, знаний, опыта». Тогда это была фантастика. Сейчас - жизнь.

2. Сказочная страна будущего (Продолжение. Начало в № 240)

Судя по этому гигантскому скелету у берега Териберки, ставшему декорацией к фильму «Левиафан», создатели этой ленты уверены, что на Мурмане и сейчас может случиться небывалое.

Фантастическое не обязательно представляет собой отдельные произведения, особый литературный жанр. Порой зерна предвидения и художественного вымысла рассыпаны в обыденном - нужно только разглядеть. То, что написано далее, - это еще не сама фантастика, а только подступы к ней. И попытка понять, когда и каким образом Мурман стал ее составной частью.

Как здоровье Рюрика

Долгое время Кольский полуостров - Российскую Лапландию - описывали в категориях мифологических, населяя здешние места самыми невероятными существами. Потом на смену преданиям и легендам пришли мечты иного, прогрессорского плана. Но все равно вплоть до начала XX столетия наш край представлялся жителям материковой России местом сказочным, фантастическим, землей невиданных чудес и баснословных богатств. «Передавали поморы, что... подплывал кит к... берегу Мурмана, - вспоминал один из культовых поэтов Серебряного века Андрей Белый «каламбур» своего отца - профессора математики Николая Бугаева. - Спросил... любопытный кит глухого... помора: «Как здоровье Рюрика?» И на недоумение глухого старика добавил: «Лет с тысячу тому назад я подплывал к этому берегу; у вас царствовал Рюрик в ту пору». С современной точки зрения - чистое фэнтези.

До революции фантастика и реальность в представлениях о Кольском Заполярье соседствовали друг с другом. Порой - соединялись. К примеру, вот как старый помор Никита Потапыч - герой фантастической повести Владимира Орловского «Машина ужаса», изданной в 1925 году, описывает лов трески на Мурмане во времена своей юности: «Выходя в море флотилией навстречу стае, рыбаки пробуют густоту ее, всовывая весло в эту живую, движущуюся кашу; и если весло стоит торчком, не может двигаться в сплошной массе рыбы - стая считается достойной внимания и начинается лов».

В то же время Михаил Пришвин во вполне реалистической вещи «За волшебным колобком», появившейся в 1908 году, сравнивал наш край с чудесной страной. «Страна без имени, без территории! - писал он. - По незнанию мы называли ее то Азией, то Африкой, то Америкой. Но в ней не было границ; она начиналась от того леса, который виднелся из окна классной комнаты. И мы туда убежали. После долгих скитаний нас поймали, как маленьких лесных бродяг, и заперли. Наказывали, убеждали, смеялись, употребляли все силы доказать, что нет такой страны. Но вот теперь у каменных стен со старинными соснами, возле этой дикой Лапландии, я со всей горечью души чувствую, как не правы были эти взрослые люди. Страна, которую ищут дети, есть».

Известку вытянуло воздухом

Подобные представления о Мурмане, как о чем-то диковинном и диком, имели и свою оборотную сторону, затрудняя и без того непросто шедшее освоение Кольского Севера. Вот только два хрестоматийных эпизода. Когда в 1804 году при сооружении первого на мурманской земле каменного здания - Благовещенской церкви в Коле - недостроенный храм внезапно обрушился, кольский городничий составил об этом специальный рапорт. И, видимо желая отвести от себя обвинения в слабом «смотре» за качеством кладки, сообщил в нем, что он «каменщиков винить не может», так как строить каменные здания в Лапландии не позволяет климат: «Кольским воздухом, - оцените формулировку, - из стен церковных всю известку вытянуло».

А в 1867 году, обсуждая способы заселения нашего края, архангельский вице-губернатор Сафронов заявил: «Каким образом мы заключим контракт с природою, чтобы почва, которая там климатическими условиями осуждена на бездействие, сделалась бы лучше или чтобы климат изменился, чтобы зима сделалась короче, морозы легче и, наконец, чтобы там возможно было водворить какой-нибудь живой элемент?.. Я был в Коле... Учреждение в этом месте областного города было бы повторением той ошибки, которая допускалась в недавнее время, что в пустынных местах учреждались губернии... Желать развития торговли, промышленности какой бы то ни было, в особенности увеличения населения - значит желать невозможного, потому что население двигается туда, где благоприятствуют ему почва и климат. Но кто же пойдет на Север, в челюсти полюса?» Однако ситуация постепенно менялась. И посетивший наш край в 1907 году генерал-адъютант Федор Дубасов, подчеркивая его значение как «коренной русской окраины, которую, несомненно, ожидает великое будущее», уже фактически выражал общее мнение. В ту пору уже существовали планы строительства здесь города-порта, проведения железной дороги и даже сооружения канала от Колы до Кандалакши. Конец XIX - начало XX веков стали для Кольского полуострова эпохой грандиозных проектов, эпохой радужных надежд, эпохой, когда элементы фантастики активно использовались исследователями Мурмана для характеристики ожидавших эту землю перспектив. Судите сами.

Оленьи бега и «Мурманский вестник»

Еще в 1877 году известный писатель Василий Иванович Немирович-Данченко, проникая мысленным взором в грядущее Российской Лапландии, писал, что «на берегах ее воздвигнутся торговые города... Глушь ее и захолустье прорежутся дорогами. Номады-оленеводы обратятся в оседлых промышленников, и на месте нынешнего царства смерти и безлюдья возникнет живая и кипучая деятельность трудового населения, явятся центральные рынки, и могучая воля человека сумеет вызвать к жизни и недра гранитных гор, и непроходимые дебри земли лопской. У мрачного полюса будет отнята человеком еще одна страна, еще раз мысль и энергия восторжествуют над слепыми силами природы!» Прошли десятилетия, и сказка, заявленная Немировичем-Данченко, стала былью. Настолько, что ныне, думая о сохранении окружающей среды, кое-что из совершенного хочется снова сделать сказкой...

В 1894-м на Мурмане побывал министр финансов Российской империи Сергей Витте. Год спустя сопровождавший его в поездке журналист Евгений Кочетов опубликовал книгу «По Студеному морю», где есть и такие строки: «...К счастью, потребность поднять наш Мурман ощущается уже не одними аборигенами и знатоками... Наше искони русское Студеное море может кормить все русские губернии, и все-таки всей России вовеки не опустошить, не выловить и не вычерпать этот безбрежный и бездонный источник нашего богатства. Понятно также и то, что флот на Мурмане есть не только вооружение наших северных берегов, охрана нашей, пускай пока копеечной торговли, а выход не только из замкнутого моря, но, может быть, даже (со временем) и из замкнутого положения самой

России. Мало того, порт и флот - лучшие колонизаторы Мурмана, как и всякого другого побережья любой страны.

Я совершенно согласен, что удайся России хотя бы путем направления сюда ссылок и при огромных жертвах быстро и густо заселить Мурман и Лапландию, конечно, лет через 25, флоту все-таки *volens nolens* пришлось бы осесть там для защиты ставшего людным и ценным побережья, но это, повторяю, и трудно, и мешкотно, а водворись флот там прочно сегодня, завтра там не только безо всякого понуждения, усилий и особых расходов, но и без всякого приглашения явятся тысячи русских колонистов и торговцев и других всяких людей, и лет через 25 Екатерининская дума заговорит о канализации города, а репортеры «Екатерининского» или вообще «Мурманского Вестника» будут сообщать местным читателям об оленьих бегах на острове Кильдине и о том, что тотализатор вчера за такого-то оленя-победителя выдал выигравшим такую-то сумму. Словом, я хочу сказать, что Мурман не только быстро заселится, но и войдет в общую жизнь России как с местными мелкими, так и всероссийскими, мало того, мировыми интересами...»

Редко кому удавалось предвидеть будущее нашего края с такой точностью. И в целом то, что Студеное море может кормить рыбой всю страну, а также то, что спустя всего 20 лет, в ходе Первой мировой войны, Кольский полуостров останется единственным для России «окном в Европу». И в деталях - таких, как появление «Мурманского вестника» и оленьи бега, которые, пусть не на Кильдине, пусть в Мурманске, в рамках традиционного Праздника Севера, проводятся ежегодно. Да и насчет роли ссылок в заселении Мурмана Кочетов, увы, попал в точку.

Недалеко то время

Среди тех, кто оставил документальные пророчества о завтрашнем дне Кольского Севера, встречались не только оптимисты. В 1907 году чиновник по крестьянским делам 1-го участка Александровского уезда Александр Мухин, оценивая перспективы сохранения приграничными пазрецкими лопарями традиционного уклада жизни, выступил буквально в жанре антиутопии и предсказал, что оленные люди «должны будут бросить искони насиженные летние места по берегам Пазреки... единственный оплот православия и исторический памятник - церковь святых Бориса и Глеба запустеет, пройдут века, и следа не останется в воспоминание того, что территория эта когда-то была русской землей, населенной полукочевниками-лопарями, сумевшими однако со времен Преподобного Трифона сохранить и свою веру, и свою национальность». Почти так все в итоге и получилось, за исключением того, что Борисоглебский храм и поныне остается русским форпостом на норвежском берегу реки Паз.

Впрочем, позитивных прогнозов было куда больше. Приведу еще несколько. В 1902 году журналист Александр Энгельмейер в книге «По русскому и скандинавскому Северу» утверждал, что «Мурман - это великая страна будущего, это целая область неисчерпаемых богатств и незамерзающих гаваней. Это необъятная почва для русской колонизации». Уже упоминавшийся здесь Михаил Пришвин в 1908 году в повести «За волшебным колобком», думая о грядущем Российской Лапландии, мечтал «о грандиозном предприятии соединить Великий океан с Северным Ледовитым, Порт-Артур с Александровском и о том, что тут предполагалась железная дорога... И лопари тогда поедут в Петербург... Вот только образование. Но и образование как-нибудь так тоже неожиданно придет».

Наконец, в 1914-м, накануне Первой мировой войны, один из авторов «Известий Архангельского общества изучения Русского Севера» В. Н. Никольский выразил надежду: «Быть может, недалеко то время, когда на Кольском полуострове появится новая, плотно заселенная губерния с главным городом-портом, круглый год незамерзающим».

И действительно, время рождения Мурманска было уже близко. Как и время, когда наш край занял свое, только ему свойственное место в фантастических произведениях. Но об этом - в другой раз.

3. Северная твердыня Русского флота (Продолжение. Начало в № 240, 245)

Полуострова Рыбачий и Средний. Место вероятного города.

Вы когда-нибудь слышали об Александрии? Не о египетской, а о мурманской? Не слышали. Странно. Представьте себе: ряды домов и мощные укрепления на берегу, прекрасно оборудованный порт, эскадры кораблей на рейде. Город военных моряков - главный форпост России в Арктике и на севере Европы. Говорите, нет такого города и никогда не было? В том, что его нет, я с вами соглашусь. А насчет того, что его не было, не торопитесь с выводами.

Сценарий глобального конфликта

Действительно, в реальности заполярной Александрии никогда не существовало. Зато на страницах фантастической литературы она была. В 1888-м увидел свет роман «Роковая война 18?? года», автор которого укрылся за псевдонимом А. Беломор. Там-то и появился впервые город, названный в честь правившего тогда императора Александра III, - военный порт, расположенный у северных границ российского Мурмана.

«Местом для этого порта после долгих изысканий и зрелых обсуждений была избрана Мотовская губа... В заливе Новая Земля, переименованном тогда же в Александровский, как в самом удобном и обширном предположено было устроить главную морскую квартиру, новый город - Александрию». Сооружали его в сжатые сроки и скрытно. «Об Александрии, - утверждал Беломор, - никто и ничего не знал, не только в Кронштадте, но даже в Лондоне, Берлине и Вене».

Настоящее имя Беломора - Александр Егорович Конкевич. Флотский офицер и один из ведущих писателей-маринистов своего времени, он предложил в «Роковой войне...» сценарий будущего глобального конфликта. События, потрясшие планету, начались схваткой между Францией и Германией, вызванной, «как и все предыдущие, интригами Англии». А затем произошел «общий взрыв в старой Европе».

Россия отреагировала жестко: заняла Босфор, разгромила Австро-Венгрию и Италию. Но главный стратегический ход был сделан на Севере. Броненосные силы Черноморского и Балтийского флотов удалось перебросить в новую морскую крепость - Александрию. Их появление на Мурмане, откуда они имели свободный выход в открытый океан и могли угрожать коммуникациям и колониям «владычицы морей», в корне изменило ситуацию. Британия так и не осмелилась напасть, а Россия смогла решить сразу две важнейшие задачи: заняла проливы и создала военно-морскую базу в Заполярье.

Описание мурманского форпоста в книге изобилует интересными деталями. «По прибытии броненосной эскадры в Александрию, - сообщает Конкевич, - адмирал Иванов, как главный командир порта, подробно осмотрел все сделанное уже здесь, побывал на всех укреплениях и остался весьма доволен... Дом для него, хотя и не такой, как в Кронштадте, но светлый, теплый и удобный, был уже готов... При обозрении работ на канале, окончательно отрезавшем Рыбачий полуостров от материка, адмирал с удовольствием узнал, что это важное и необходимое сооружение производится быстро и не далее как через месяц канал будет удобопроходимым для самых больших броненосцев... Батареи на всех берегах заливов Мариинского, Посьета и Невельского, а также на островах Георгиевском и Константиновском были почти уже готовы, вооружены нарезными мортирами и обильно снабжены боевыми припасами... К величайшему своему удовольствию адмирал Иванов убедился, что все было в таком состоянии, что никакое вражеское нападение не было уже ни страшно, ни даже опасно новому морскому порту».

Город длиной 70 километров

Сегодня это назвали бы альтернативной историей и фантастикой ближнего прицела. Конкевич отразил в романе реально существовавшие планы, поднял спорные на тот момент вопросы, решая их так, как ему казалось правильным. В ту пору активно обсуждалась необходимость строительства на Мурмане военного порта. За год до публикации «Роковой войны...» ее будущий автор участвовал в изыскательских работах, призванных решить эту задачу. Журнал «Русское судоходство» опубликовал по их итогам заметку, в которой высоко оценил и действия самого Конкевича, и выбранную им в качестве места для военно-морской базы губу Большая Мотка.

Фактически Александр Егорович предложил программу развития нашего края, главным пунктом которой являлось сооружение морской крепости на полуостровах Рыбачьем и Среднем - Александрии. Комплекс сооружений нового города должен был охватить территорию в 70 километров.

Сразу после выхода «Роковой войны...» олонецкий губернатор Григорий Григорьев развил мысли Конкевича в письме на имя управляющего морским министерством. «На Мурманском берегу, - пояснял губернатор, - между многими незамерзающими и совершенно закрытыми от океанского волнения бухтами обращает на себя особенное внимание обширный Мотовский залив с так называемой гаванью Озерко, глубоко вдающейся в Рыбачий полуостров. По углублению и квадратной поверхности своего пространства эта гавань может вместить в себе большое количество самых крупных современных военных судов. Длинный и узкий вход в Мотовский залив легко может быть загражден минами и защищен батареями, расположенными на возвышенных и обрывистых окружающих берегах... Все эти обстоятельства дают вышеназванному месту драгоценное и предпочтительное значение пред остальными русскими гаванями на всех наших морях, запертых международными трактатами или закованными льдом в течение многих месяцев».

Проект строительства Александрии заинтересовал морского министра адмирала Ивана Шестакова. Для исследования вопроса министерство направило на Мурман капитана 2-го ранга Иванова. Однако осенью 1888 года Шестаков умер, а его преемник вице-адмирал Николай Чихачев был сторонником развития военно-морской базы не на Кольском полуострове, а в прибалтийской Либаве. Из отчета Иванова он сделал вывод, что «осмотр бухт Рыбачьего полуострова показал полную непригодность их для устройства собственно военного порта или укрепленной станции, ибо при трудности защиты входа в бухты с моря такой порт может быть закрыт блокадой и тем, при неимении сухопутных сообщений через Лапландский полуостров, поставлен в критическое положение».

Примерно в том же духе Чихачев представил ситуацию и императору Александру III. Вопрос создания Александрии повис в воздухе.

Победоносные корабли

Однако Конкевич не собирался сдаваться. В 1889 году он начал публиковать в «Русском судоходстве» новый роман - «Морские твердыни России». В соответствии с замыслом автора, после событий, описанных в романе «Роковая война 18?? года», прошло немало лет. Главным противником нашей страны стал Китай. Но, хотя основные сражения разыгрывались в Тихом океане, мурманская Александрия и в этом произведении играла важную роль.

За минувшее время она окончательно стала главной океанской базой русского флота, способной наносить урон врагу, находящемуся от нее за тысячи миль. Что и подтвердилось по ходу действия произведения.

Конкевич особо подчеркивал, что суровая обстановка Севера, благотворно повлияла на моряков-балтийцев, поначалу избалованных и изнеженных. «Нелегко далась морская служба флоту с Крюковского канала и Маркизовой лужи! - иронизировал он над недостаточной выучкой и малым опытом плаваний новоиспеченных североморцев. - Целые поколения, выросшие на этих мутных водах или у лакированных невских пристаней и считавшиеся прежде опытными и зрелыми, оказались юными и наивными в своем деле при иной, чисто морской обстановке. Люди в морской форме пришли на безлюдные и дикие берега забытого моря под впечатлением кают-компанийских дивертисментов, балов и прощальных импровизаций».

Впрочем, «нужда и опасность - суровые, но наилучшие воспитатели моряка», а потому базировавшийся на Мурмане флот постепенно превратился в грозную силу.

И эта сила в нужный момент вновь проявила себя с наилучшей стороны. Эскадра под командованием адмирала Иванова вышла из Александрии, чтобы предотвратить вражескую атаку на Владивосток. Преодолев Северный Ледовитый и Атлантический океаны, русские крейсера через Гибралтар, Средиземное море и Суэцкий канал добрались до Индийского океана.

В генеральном сражении коварный враг был разгромлен. Победоносные корабли отправились во Владивосток. «По велению власти, такой же могучей и безграничной, как и сама страна, - резюмировал автор, - создалась на Рыбачьем полуострове твердыня. Оттуда, как мы видели выше, в критическую минуту явилась своевременно и помощь в виде эскадры быстроходных крейсеров».

Канал на перешейке

Идею строительства Александрии Конкевич отстаивал и в публицистике. К примеру, в появившейся в конце 1889 года статье «Военный порт на Мурмане». Или в «Письмах о флоте», увидевших свет в 1892-м, где он снова призывает создать «точку опоры» для флота в Мотовском заливе, «на берегах нашего Северного океана, берегах суровых, недоступных блокаде, правильному и долгому обложению, внезапному захвату и даже серьезному бомбардированию».

Главными сопутствующими мероприятиями, необходимыми для успешного базирования флота в Заполярье Александр Егорович считал строительство Беломорско-Онежского канала, «по которому могли бы быть доставлены все необходимые жизненные припасы и боевые материалы», а также соединение Кольского полуострова с центром страны железной дорогой. И то, и другое со временем осуществилось.

Могла сбыться и еще одна идея Конкевича - сооружение канала на перешейке между полуостровами Средний и Рыбачий. Ее всерьез обсуждали на протяжении многих лет. Еще в 1915 году известный художник и общественный деятель Александр Борисов, выступая на заседании перевозочного отдела Центрального военно-промышленного комитета, предлагал: «Перешеек, соединяющий Рыбачий полуостров с материком, необходимо прорыть и устроить канал для прохода самых больших дредноутов или океанских пароходов, построив, конечно, разводной мост и железную дорогу через

перешеек». Проект идущей параллельно каналу узкоколейной железной дороги тогда же, в 1915-м, предложил исследователь Севера вице-адмирал Александр Сиденснер. Возможность создания предложенного Конкевичем канала рассматривалась и при советской власти. Летом 1920 года в докладе Дорожностроительного отдела Муруездисполкома было указано: «Желательно в ближайшем времени провести изыскания по прорытию канала на Рыбачьем полуострове, что много будет способствовать каботажному флоту». Самый поздний «след» этого проекта, задуманного еще в 80-е годы XIX столетия, попался мне в историко-географическом обзоре Печенги, написанном уже после Великой Отечественной войны, в 1946-м, сотрудником Мурманского филиала географо-экономического НИИ Ленинградского университета Л. П. Альтманом, где содержалась рекомендация соорудить «канал между Большой Волоковой губой и бухтой Большое озерко Мотовского залива».

От Александрии к Александровску

Но вернемся к заполярной Александрии. Ее судьба решилась в 1894 году, когда наш край посетил министр финансов Российской империи Сергей Витте. Среди тех, кто его сопровождал, был и Конкевич. Впоследствии министр с большим уважением отозвался о нем в мемуарах.

Дальнейшее известно. Витте особенно приглянулась Екатерининская гавань. Был разработан проект строительства там военно-морского порта. Александр III одобрил его, но при Николае II решение изменили в пользу Либавы. А на Мурмане, в Екатерининской гавани, появился коммерческий порт, унаследовавший предложенное Конкевичем имя в слегка измененном виде - Александровск. Александрия на полуострове Рыбачьем так и осталась мечтой.

До конца жизни Александр Егорович оставался пропагандистом и популяризатором Мурманского флота. Накануне кончины, в 1917-м, ему было высочайше присвоено право именоваться Конкевичем-Мурманским. Помимо прочих его заслуг в изучении и освоении нашего края он останется в истории человеком, создавшим первые фантастические произведения, в которых описан Кольский полуостров. И многое предугадано: и корабли, и военные базы, и моряки, стоящие на страже Русского Севера. И то, что Рыбачий стал в ходе кровавого и страшного всемирного ратоборства заполярной крепостью, непокоренной гранитной твердыней.

«Смелым Бог владеет! - восклицал Конкевич в одном из своих мурманских по тематике очерков. - Смелым будет и наш родной флот на берегу бесконечного океана, по которому Господь и Царь укажут этому лучшему из всех оружий защиты и нападения, обогащения и распространения цивилизации новые пути и новые цели для блага нашей великой родины». И это его предвидение тоже сбылось.

4. Розовый сон (Продолжение. Начало в № 240, 245, 1.)

Сотрудники газеты «Новое время». 1916 г.

На склоне лет он вспомнил единственную поездку на Кольский полуостров в числе главных событий жизни. И охарактеризовал ее как «чудесную», «незабываемую», «фантастичную». Причем последнее определение вовсе не было преувеличением. Город, в церемонии закладки которого он принял участие, так и остался фантастикой. Город в том виде, как был задуман, так и не построенный. Город, чье прекрасное будущее он описал.

Из философов в журналисты

Звали его Андрей Митрофанович Селитренников, но читающая публика в России знала его как журналиста А. Ренникова, сотрудника газеты «Новое время». Родился Селитренников - Ренников в Кутаиси в семье присяжного поверенного, потом жил в Батуми и Тифлисе. Мечтал стать музыкантом, играл на скрипке, изучал теорию музыки. Учился в Одесском университете, где окончил сразу два(!) факультета - физико-математический и историко-филологический. Его сочинение «Система философии В. Вундта» было удостоено золотой медали. И стал бы Селитренников, вероятно, выдающимся философом, благо и при университете его оставили, и диссертация была на подходе. Но в студенческие годы он увлекся журналистикой и науку оставил. В 1912-м Андрей Митрофанович переехал в Петербург, где стал сотрудником, а позже и редактором отдела «Внутренние новости» одного из крупнейших изданий страны - газеты «Новое время», возглавляемой знаменитым Алексеем Сувориным, а затем его сыном Михаилом.

Во многом выбор места работы определил его дальнейшую литературную судьбу. Либеральная русская интеллигенция резко отрицательно относилась к этому изданию, считая его черносотенным. Левые думали так же. Как следствие, Ренникова любила широкая публика, но ненавидела либеральная пресса и обходила критика. Он даже стал персонажем нескольких фельетонов, едко высмеивавших взаимоотношения внутри редакции «Нового времени».

Вот как уже после революции писал о нем не кто иной, как Михаил Булгаков: «Ренников знал, что в случае неудачи Суворину опасно показываться. Рука у него тяжелая, а пресспапье на письменном столе - еще тяжелее».

Впрочем, подобные оценки - ни до, ни после революции - не отражались ни на взглядах популярного столичного журналиста, ни на его работоспособности. Селитренников продолжал трудиться со свойственными ему энергией и самоотдачей.

Помимо газетных статей, рассказов и очерков он успел до революции выпустить несколько книг, в том числе фантастический роман «Раздаться, человек». В нем прибытие на Землю посланца венерианской «биологической цивилизации» Анаталала позволяет автору высветить язвы современного ему общества. Наклонности писателя-фантаста Селитренников проявил и в ходе состоявшейся в сентябре 1916 года поездки по новопостроенной Мурманской железной дороге.

Округлил губернию

Путешествие на край страны, почти на край света будоражило чувства, будило воображение. В Заполярье Селитренников очутился впервые в жизни. «До сих пор мне ни разу не приходилось пересекать что-либо исключительное по положению на земном шаре, - делился он впечатлениями с читателями «Нового времени». - Ни экватора, ни тропиков. И горделивое чувство поднимается в душе: сейчас полярный круг отделит нас от тех бедных южан, которые остались там, в Петрограде... Это останется на всю жизнь... Пересечение полярного круга не выражается ни в каких внешних эффектах... В этом отношении на Мурманской железной дороге дело обстоит гораздо лучше. Там есть станция Полярный круг, и пассажиры ледовитого поезда всегда будут иметь возможность выбежать на несколько минут из вагона в буфет поесть горячих полярных пирожков и поглядеть, кстати, как выглядит полярный круг около водокачки. Да и для самолюбия кондуктора неплохо крикнуть:

- Станция Полярный круг, поезд стоит пять минут!»

Предсказание Андрея Митрофановича сбылось. Правда, станция, одноименная воображаемой линии, знаменующей границу заполярных широт, ныне не очень знаменита. Зато памятный знак Полярный круг, установленный на рубеже Карелии и Мурманской области у обочины федеральной трассы «Кола» по-прежнему, как и в советское время, весьма популярен у проезжающих.

Мурманск, как известно, ворота в Арктику. Еще одно предвидение Селитренникова касалось арктического архипелага Земля Франца-Иосифа, находившегося тогда в статусе terra nullius - ничейной земли. «Мне приходит в голову мысль, - писал он, - не организовать ли экспедицию к Земле Франца-Иосифа и не присоединить ли эту землю к архангельской губернии, чтобы ничто не мешало архангельскому губернскому правлению распространить сферу своего влияния как раз до самого Северного полюса? Округлить таким образом губернию совсем недурно, тем более, что все равно в ней есть места, куда не ступала нога человека». Именно так все со временем и произошло. Ныне этот полярный архипелаг входит в состав Приморского района Архангельской области.

По мановению волшебника

Еще раз Селитренников упомянул Землю Франца-Иосифа в фантастическом романе «Диктатор мира», увидевшем свет в 1925 году. По его сюжету безжалостный тиран с помощью зловещего изобретения ввергает в состояние паралича не только отдельных людей, но и целые города и страны. Главные герои произведения спасаются от него на Севере. «Было спокойно и безопасно там, за полярным кругом. Правда, на западе, над Землей Франца-Иосифа, круглый год дежурили несколько воздушных метеорологических станций; к ним раз в неделю из Европы приходили аппараты, привозившие новые смены наблюдателей, увозившие отбывших дежурство». Стоит ли пояснять, что строки об арктическом архипелаге были навеяны впечатлениями поездки девятилетней давности. Главной целью того, знакового для мурманчан путешествия было официальное, как тогда говорили, «открытие» нового города - Романова-на-Мурмане. «На пустынном, слегка холмистом берегу залива, - вспоминал Андрей Митрофанович, - уже стояли в разных местах заранее вбитые столбы с надписями на деревянных табличках: «Собор», «Почта и Телеграф», «Казначейство», «Городское самоуправление», «Суд» и так далее. Кроме того, маленькие столбики указывали направление улиц. На одном большом пустыре красовался телеграфный столб с заманчивым указанием «Городской сад».

Торжественная церемония закладки города состоялась 21 сентября - 4 октября по новому стилю. В первый день своего существования Романов или Романовск, как его тоже называли, был городом, почти не имевшим прошлого и настоящего, но зато полностью устремленным в будущее.

Творческим чутьем писателя-фантаста Селитренников уловил особенность момента и попробовал представить, каким станет это место по прошествии времени. «Несомненно, -

предсказывал он, - в Романове быстро возникнут многочисленные конторы по импорту и экспорту; появится в самом начале немало народу, связанного с нашей торговлей с Западом; возникнут, должно быть, заводы и склады для моторных ботов и их частей для нужд мурманских рыбопромышленников... появятся рыбокоптильные заводы, заводы для приготовления рыбных консервов; вывоз зерна, леса, ввоз английских и американских товаров - все это оживит, создаст кипучую портовую жизнь, даст городу население, средства к существованию... Да, город вырастет, поднимется из земли точно по мановению волшебника», взору явятся «радостные кресты храмов и крыши огромных строений, и порт, гудящий жизнью, пестрый флагами, многострунный высокими гордыми мачтами... Прозвучат слова дружбы и взаимного понимания, раздастся громкая русская речь, свободная, знающая цену себе». Что ж, почти так все и получилось...

Мечты и реальность

Попытался Андрей Митрофанович «провидеть» и повседневную городскую жизнь: «Интересное чувство, - размышляет он, - ходишь среди сосен и берез и рисуешь в воображении картины. Вот тут, где эта кочка, будет когда-нибудь сидеть городской голова с цепью на шее и звонить в колокольчик: «Прошу господ гласных (депутатов городской думы. - Д. Е.) аккуратнее посещать заседания, иначе придется придумать меры взыскания». Здесь, где сейчас беспечно размахивают ветвями березки, между которыми выстлал землю зеленой шерстью мох, быть может, скоро вырастет гигантский отель, залитый электрическим светом, с рестораном, из которого до волн Ледовитого океана донесутся звуки оркестра, играющего матчиш; нарядная толпа туристов из Петрограда заснует внутри по длинным коридорам, собираясь наверх, на специальную «террасу северных сияний»... не удовлетворенные общественной жизнью деятели, прибывшие на полярное лето, чтобы видеть незаходящее солнце России... А вокруг отеля оживление, грохот колес мчащихся в театр на оперу экипажей, гудки автомобилей, звон трамвая и крики кондуктора, сталкивающего публику на мостовую: «Нет местов!»

Предвидения Селитренникова основывались на знании реальных планов. Романову - будущему Мурманску - уже тогда предсказывали большое будущее, называли его заполярным «окном в Европу». Газета «Русское слово» сообщала читателям, что строящийся на берегу Кольского залива незамерзающий порт станет городом нового типа: с электричеством, канализацией, водопроводом.

По планам царского правительства предполагалось, что в первое десятилетие существования Романова в нем будет проживать около 30 тысяч человек, а спустя еще 20 лет - 50 тысяч. По сравнению с Колой и Александровском, численность населения которых не переходила в ту пору за тысячу человек, задуманный город должен был стать настоящим мегаполисом.

Летом 1916 года инженер Борис Сабанин составил предварительный эскиз городского центра. В октябре 1917-го, после того, как особая партия во главе с межевским инженером Лешкевичем произвела необходимую съемку местности, появился в корне отличавшийся от него полноценный план будущей заполярной столицы, разработанный архитектором Павлом Алешиным. По нему Мурманск, а к тому времени он уже назывался именно так, делился на несколько районов.

В рабочем районе, тянувшемся вплоть до мыса Пинагорий, предполагалось разместить заводы и предприятия. Торговый район отводили под магазины и рынки.

Административный - предназначенный для управленческих учреждений - захватывал третью террасу и возвышался над всеми прочими. Жилые - сейчас их назвали бы спальными - планировалось разместить по городским окраинам. Отдельный район занимала Военно-морская база, на которой среди прочих находилась и улица, названная в честь бывшего морского министра адмирала Ивана Григоровича.

Пока лишь «в карандаше»

В новооснованном городе должен был появиться и общественный транспорт. Проект самого северного в мире мурманского трамвая создал профессор Григорий Дубелир. Он предлагал сомкнуть трамвайные пути в центральное кольцо «с шестью ответвлениями. Эти ответвления при помощи кольца могут быть соединены между собой любым способом, образуя диаметральные маршруты. Возможность изменять маршруты представляется в данном случае особенно важной, так как нельзя точно предвидеть, какие части города будут фактически развиваться раньше, какие позднее и как в зависимости от этого будет изменяться потребность в направлениях движения».

В общем, Селитренников писал о городе, который на 99% существовал еще «в карандаше», на бумаге. И не его вина, что тот изначально задуманный Мурманск так никогда и не появился. Он погиб, не успев возникнуть, был, как Помпеи, залит раскаленной лавой Гражданской войны, засыпан пеплом сгоревших в кратере революционного вулкана человеческих жизней.

Сегодня мы подобно археологам по крупицам восстанавливаем его возможный облик, сравниваем его с настоящей, реальной заполярной столицей. И видим, что известный журналист и писатель, не принявший Октября и закончивший жизнь в эмиграции, во многом был прав.

Депутаты, случается, и теперь прогуливают заседания, гигантский отель - «Арктика» - возведен на самом деле, рыбная промышленность, проходя через экономические подъемы и спады, продолжает кормить Мурман и Россию, а туристы действительно приезжают, чтобы полюбоваться полярным днем или северным сиянием. И хотя трамваев нет до сих пор, вместо них бегают по городским улицам троллейбусы - тоже, как ни крути, электрический транспорт.

Кресты храмов, крыши огромных строений, гудящий жизнью порт - все это мы можем видеть ежедневно. И пусть что-то из написанного Селитренниковым кажется теперь смешным и наивным - эти наивные мечты дороги нам, как первый младенческий розовый сон только что рожденного города.

5. Подлинная трагедия и выдуманная история (Продолжение. Начало в № 240, 245, 1, 5.)

Екатерина Шмидтгоф, фото из уголовного дела и надпись на обороте фото.

Сначала я просто зацепил взглядом саму фамилию - Крептюков. Мелькала она в документах Мурманска начала НЭПа. На протяжении какого-то короткого периода времени попадалась часто, порой буквально лезла на глаза - активный, видно, был человек. Наткнувшись на нее в очередной раз, заглянул в архивный справочник, посвященный руководителям края. И обнаружил, что Даниил Александрович Крептюков с 6 мая по 21 июля 1921 года возглавлял агитационно-пропагандистский отдел Мурманского губкома РКП(б), а с 21 июля по 17 августа 1921-го - губернский совнархоз. Больше ничего. Как выяснилось позже, неспроста. Такова завязка сюжета, в котором реальность и фантастика перемешались настолько, что стоило большого труда отделить одно от другого.

Прикоснуться к стабилизатору

Продолжение последовало, когда мне попала на глаза появившаяся в 1993-м книга Рустама Каца «История советской фантастики». Описывая произведения начала 20-х, посвященные полету на Луну, автор сообщал: «Романы «Старт» Даниила Крептюкова, «Возвращение Гельмута Саса» Сем. Шпаньрия, «Лунное затмение» Леонида Полярного и большая повесть Александра Зайцева «Разворот» стали довольно заметным явлением в литературной жизни России... Никто из авторов, похоже, не сомневался, что осуществление «лунного перелета» - дело весьма недалекого будущего, и потому о проблемах грядущего авторы писали как о практически решенных, когда завершение работы тормозится только из-за незначительных деталей. Такая деловитость - на грани «конструктивизма»... производила впечатление. Подготовка космического старта (в романе Д. Крептюкова) была показана всего лишь как будничная «часть общепролетарского дела»: быт завода «Лунный скороход», нарисованный автором с большим знанием реалий, был «фантастически» узнаваем, а сама цель (достижение поверхности спутника Земли) придавала тяжелому производственному труду высокий смысл, мелким конфликтам - принципиальную многозначность, неосмысленным и корявым железкам - облагороженный облик будущих частей ракетоплана. Сергей Королев... позже вспоминал о том, что тогда «был абсолютно уверен: ракета на Луну уже практически готова. И мечтал хотя бы учеником попасть на «Лунный скороход» и успеть

до старта поглядеть на корабль «Стремительный», а если повезет, прикоснуться рукой к ребристому стабилизатору...» Даниил Крептюков действительно сумел захватить читателя ощущением работы-подвига, поэтизацией этого едва ли не рабского труда в три смены, без инструментов, с «надо!» вместо отдыха, когда после рабочего дня сил хватает только, чтобы дойти до кровати. («Шатаясь, вошел в комнату. С усталой улыбкой сказал Кате: «Мы все-таки его сделали... Катюша...» И повалился навзничь, даже не дойдя до постели - все с той же странной, горячечной улыбкой...» - цитирую финальные строки первой части романа «Старт»)).

Громкое дело

О как! Тут уж я заинтересовался Крептюковым всерьез. Шутка ли - один из первых советских писателей-фантастов, да еще и с мурманской вехой в биографии. Дыхание перехватывало при мысли о том, что роман, о котором десятилетия спустя столь тепло отзывался генеральный конструктор ракетно-космической промышленности СССР, мог быть написан в городе на берегу Кольского залива.

Так и виделось: в занесенном снегом, насквозь продуваемом жестокими заполярными ветрами бараке при тусклом - у местной электростанции не хватает мощности - свете электрической лампочки за столом сидит человек и, время от времени отогревая замерзшие пальцы, карандашом пишет в тетрадку диковинные слова о космосе и людях, которые его обязательно покорят. Но вот было ли это на самом деле? Как узнать? Вот если бы прояснить подробности жизни Даниила Александровича в заполярной столице... И подробности не замедлили обнаружиться. Но совсем не те, на которые я рассчитывал. Отыскать следы «Старта» мне так и не удалось. Зато в Государственном архиве Мурманской области нашлось уголовное дело по обвинению Крептюкова в убийстве. Для Мурманска той поры это было весьма громкое или, как сказали бы теперь, резонансное преступление. Еще бы, ведь трагедия произошла не где-нибудь, а в высших кругах региональной власти. Возможно, единственный раз в истории нашего края криминальные разборки затронули управленцев такого уровня.

Судите сами: убийца (партийные должности не берем) заведовал губернским совнархозом, то есть фактически руководил нарождавшейся промышленностью Мурманска, одновременно являясь членом президиума Мургабисполкома, председателем губернской экспортной комиссии, представителем Внешторга и редактором «Полярной правды», а жертвой стал уполномоченный Народного комиссариата иностранных дел. К тому же убийство произошло из-за женщины. И не просто из-за женщины - из-за артистки. Учтите все это и вы поймете, почему заполярная столица гудела, как растревоженный улей. Город полнился слухами. О том, что случилось на самом деле, знали немногие. Сегодня благодаря архивным документам мы можем восстановить произошедшее со всей возможной точностью.

В состоянии патологического аффекта

В Мурманск Крептюков и его жена Екатерина Шмидтгоф переехали в апреле 1921-го из Архангельска. Даниил Александрович с головой окунулся в работу, на которой пропадали сутками, супруга же его, несмотря на занятость, - она была актрисой и главным режиссером показательной труппы театра губполитпросвета - чувствовала себя одинокой и покинутой. «Много раз, - поясняла она на допросе, - я просила Крептюкова обратить внимание на мою неудовлетворенность в духовной жизни, но он отвечал, что цель его жизни в партии, в революции, а не во мне».

Вторую половину дома, где поселилась семейная чета, занимал уполномоченный наркоминдела Михаил Владимирович Ленгауэр. Он-то в конце концов и обратил внимание на Екатерину Александровну, заявив ей о своей любви и предложив отправиться с ним в Петроград, а затем за рубеж. «Уже здесь, в Мурманске, - рассказывала Шмидтгоф, - у меня мелькали мысли об уходе от Даниила Александровича,

чтобы уйти, не дойдя до мещанского чувства к мужу... Когда М. В. Ленгауэр рисовал мне жизнь, ту жизнь, о которой я мечтала, у меня созревал план уйти от Крептюкова и, может быть, и не к Ленгауэру». В общем, кризис семейных отношений был налицо.

Дальнейшее изложено в обвинительном заключении Мурманского губревтрибунала. «Крептюков, - указано в нем, - с Ленгауэром по-дружески объяснился. Последний заявил, что уедет за границу и все пройдет... В дальнейшем Крептюков умолял на коленях Ленгауэра уехать с Мурманска, на что последний дал клятву, что тотчас же уедет. Уехав, он вернулся через 5-6 дней. Дальше Крептюков узнал все муки и зависть, что Ленгауэр без дела, а он завален работой и не может выделить даже минуты жене... За день до катастрофы Крептюков узнал, что жена и Ленгауэр встречаются... Жена... заявила об отъезде в Петроград... В это время Крептюков услышал голос Ленгауэра, только что вернувшегося, и вышел к нему. Ленгауэр задал ему вопрос: «Что ты так изменился?» - и в его лице Крептюков увидел столько злорадства, что кровь ударила в голову, и он убил Ленгауэра». После чего по собственной инициативе сдался компетентным органам вместе с орудием убийства - револьвером системы «Кольт».

Несчастье случилось 17 августа 1921 года. Сам Даниил Александрович заявлял на допросах, что ничего не помнит и «узнал о подробностях этого кошмара только от свидетелей». Обследовавшая его медкомиссия обнаружила у него ряд психических отклонений и вынесла заключение, что «акт убийства был учинен им в состоянии патологического аффекта».

Мнения коллег по работе и знакомых Крептюкова разошлись. Одни считали, что Ленгауэр «пал от руки мерзавца преднамеренно, за неделю готовившегося к убийству». Другие сочувствовали Крептюкову. В итоге трибунал постановил: «Крептюкова Даниила Александровича 32-х лет, происходящего из города Сквирь Киевской губернии, крестьянина, члена РКП(б), грамотного, лишить свободы с применением общественных принудительных работ сроком на пять лет».

Таланту помогла тюрьма

Выяснившиеся факты несколько не приблизили меня к находке «лунного» романа «Старт», зато прояснили важные детали биографии его автора. Как ни странно, созреванию писательского таланта Крептюкова, по-видимому, способствовала тюрьма, откуда он вышел по амнистии, отсидев лишь две трети положенного срока. Впрочем, почему странно?

Вспомним применительно к обстоятельствам фразу Нестора Махно из трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам»: «На царской каторге меня поднимали за голову, за ноги, бросали на кирпичный пол... Так выковываются народные вожди». Тюрьма «выковала» не одну литературную знаменитость, начиная с Достоевского и заканчивая Бродским. Не стал исключением и Даниил Александрович, начинавший сочинять еще до революции, но вплотную занявшийся писательским трудом после возвращения из лагеря.

Уже в 1924 году известный критик Василий Львов-Рогачевский отметил, что «из молодых подают большие надежды Д. Крептюков и, в особенности... Бабель». В 1925-м Даниил Александрович - уполномоченный Вятской конторы Госторга, совмещавший производственную деятельность с писательской. С 1928-го он - профессиональный литератор, довольно известный, хотя и не первого ряда. В 1931 году писатель вновь посетил Кольский полуостров. Серию его очерков о мурманских рыбаках опубликовала «Полярная правда». К фантастике с очень большой натяжкой можно отнести лишь фразу в одном из них, озаглавленном «Стихийное бедствие», где автор называет заполярную столицу будущим центром «целого края с гигантскими перспективами».

Литературная энциклопедия той поры разъясняла: «... Темы рассказов, повестей и романов Крептюкова связаны с Октябрьской революцией и гражданской войной («Мамзер», 1928), восстановительным («Пух-перо») и реконструктивным («Степные всходы», 1930) периодами. Для Крептюкова характерно внимание к бытовым проблемам,

при этом у него показ процесса разрушения старого мира ярче показа стройки нового... Механистичность раскрытия образов большевиков позволяет говорить о попутнической природе творчества Крептюкова. В своей книге очерков «Степные всходы» Крептюков стремится преодолеть попутнический застой и приблизиться к пролетарскому мировоззрению. Романы и повести Крептюкова страдают большими недостатками в отношении формы. Они всегда растянуты, композиция их слаба (особенно в романе «Пух-перо»). Язык безвкусен и претенциозен, пестрит неологизмами».

Грандиозная мистификация

Еще долго не оставлял я попыток отыскать текст романа «Старт». Или того пуце - найти другие фантастические произведения Крептюкова, в которых так или иначе будет фигурировать Мурман. Но поиски, увы, так и не увенчались успехом.

Однако еще один сюрприз творчество Даниила Александровича мне все-таки преподнесло. И произошло это, когда выяснилось, что «История советской фантастики», откуда были взяты данные о «Старте» - грандиозная, искусно сделанная литературная мистификация, а под именем ее автора Рустама Станиславовича Каца скрывается писатель Роман Арбитман. Его книга - попытка пофантазировать, что получилось бы, если бы именно фантастика, а не соцреализм стала в свое время главным жанром отечественной литературы. Попытка со множеством подлинных имен и фрагментов произведений, получившаяся не менее убедительной, чем большинство исследований, посвященных действительной истории советской фантастики. Свидетельство тому - статьи, книги и даже диссертации, в которых труд Каца выдается за истинно научный и обильно цитируется.

Число попавшихся на удочку Арбитмана едва не пополнил собой и я. При желании в пострадавшие можно занести и Даниила Крептюкова, которого Рустам Станиславович (он же Роман Эмильевич) ничтоже сумняшеся называет «сгинувшим в лагерях», тогда как на самом деле Даниил Александрович благополучно дожил до 1957 года.

Честно говоря, мне до сих пор жаль, что «лунного» романа Крептюкова не существует. Уж больно легла когда-то на душу космическая мечта, созданная, как мнилось, в далеком городе на краю Арктики, тоже подчас именуемой русским космосом. Тем не менее эта история закончилась так, как закончилась.

История, позволившая пролить свет на трагические события в Мурманске 1921 года. История, в которой реальные факты порой кажутся ненастоящими, взятыми из дешевой мелодрамы, а вымышленная хроника фантастической литературы в СССР, представляющая собой по сути дела фантастику о фантастике, фантастику в квадрате, выглядит самой что ни на есть подлинной.

6. Родоначальник кольской Гипербореи (Продолжение. Начало в № 240, 245, 1, 5, 10.)

Одним из самых расхожих мифов современной эзотерики остается издавна укоренившееся представление о находке на Кольском полуострове следов легендарной страны Гипербореи. Книгам, далеко не только фантастическим, фильмам, картинам и разного рода публикациям на эту тему несть числа. Ну а родоначальником кольской, или, по точному местонахождению, ловозерской Гипербореи стал в двадцатые годы минувшего века литератор и оккультист Александр Барченко. Мурманский период его биографии известен весьма смутно. Отсутствие фактов до сей поры восполнялось домыслами и небылицами. Предлагаю вам свою версию пребывания Александра Васильевича у нас, основанную на документах и материалах Государственного архива Мурманской области.

С Севером сжился

Интерес к Мурману Барченко проявлял еще до революции. Может, и побывать тогда успел у нас в Заполярье. Во всяком случае, позже он сообщал, что «в качестве туриста, рабочего и матроса» обошел и объехал «большую часть России». «Выезжал изредка на запад и - чаще - на север. С севером сжился», - это строки из появившегося в 1916 году его рассказа «Спаситель». Главный герой еще одного рассказа «Сват» «на студеное море покрутом хаживал... в Норвег... ходил на лодьях».

В 1917-м увидела свет повесть Барченко «Океан-кормилец», сюжет которой, по его словам, был взят «из быта мурманских промышленников». В 1918 году она вышла вторым изданием. А в 1920-м Александр Васильевич задумался о том, чтобы устроиться на работу в далекий незамерзающий порт на берегу Кольского залива.

Считается, что к этому его подтолкнули тяжелые условия жизни в Петрограде и желание продолжить исследования, приведшие в итоге к открытию Гипербореи. Однако в письме академику Владимиру Бехтереву от 8 января 1921 года Барченко утверждает, что на Мурмане и вообще в стране задерживаться не собирается: «Россию я, во всяком случае, какие бы личные выгоды мне ни представлялись, покину, лишь только представится к тому легальная возможность. Я имею основания надеяться, что такая возможность представится мне не позже середины лета». То есть изначально о находке каких-либо следов древней цивилизации речи не шло.

Еще одна нестыковка касается времени его приезда на Кольский полуостров. Во многих публикациях сообщается, что 30 января 1920 года Барченко был командирован на Мурман Петроградским институтом изучения мозга и психической деятельности. Обстоятельство абсолютно невозможное, учитывая, что на Севере России до конца февраля 1920-го сохранялась белая власть.

Александр Барченко во время Первой мировой войны.

Как бы то ни было, в декабре 1920 года Александр Васильевич уже трудится в политотделе Морских сил Мурманского района, возглавляя «Морской, высшего типа институт краеведения». Кстати, профессором именно этого, созданного, по всей видимости, с его подачи вуза он в документах и именуется. Для человека, окончательно завершившего высшее образование лишь в 1919-м, карьера, что и говорить, стремительная. Ну да в те времена еще и не такое бывало.

Край несметных богатств, но каких?

Деятельность института стала частью развернутой программы просвещения военных моряков, включавшей кроме того ликвидацию безграмотности, начальное и среднее образование.

«Курсы высшей ступени типа «Института краеведения» дают «в законченном, приспособленном к общему уровню хорошо грамотного военмора виде запас знаний, практически приложимых в обстановке местного края, как в рамках службы, так и при оставлении ее, - информировала читателей «Полярная правда» 29 января 1921 года в статье «Учебный план Морведа». - Курсы... шестимесячные, в том числе два месяца экскурсионных практических занятий. В рамках преподавания в институте, между прочим, курсы «Рыбные промыслы», «Разведка полезных ископаемых», «Эксплуатация водопадов и порожистых рек», «Эксплуатация северных почв». Самостоятельное преподавание в институте доверено исключительно специалистам с высшим образованием. На весенние месяцы институт заручился сотрудничеством таких крупных

сил, как известнейшие знатоки северного края профессора Н. М. Книпович и Надсон». Интересно, что статья была подписана именем героя одного из оккультных романов Барченко - А. Черный.

Институт краеведения прекратил существование в июле 1921 года, когда началась ликвидация Морских сил Мурманского района. Но его заведующий не уехал, как собирался, за рубеж, а перешел на новое место работы. В ту пору сложился своеобразный парадокс: Кольский полуостров по-прежнему считался краем великого будущего и сказочных богатств, но вот что это за богатства и где именно они находятся, никто толком не знал.

Хотя активное изучение Мурманна уже шло, научные экспедиции направлялись из центра, и на местном уровне о них мало что было известно. А потому мурманские власти стремились заполучить в свое распоряжение хотя бы какие-то научные силы. Как говорил потом, в декабре 1922-го, председатель Мурманского губисполкома Петр Роцкан: «На Мурмане было так много разных экспедиций, что мы не могли ориентироваться на них. Все они работали помимо исполкома, и мы, поэтому, решили заниматься работой самостоятельно».

Председатель губернского совнархоза Даниил Крептюков (о нем я рассказал в предыдущей части «Мурманна фантастического»), выступая на I губернском съезде советов 17 июля 1921-го, требовал «использовать все местные силы специалистов и людей науки, организовать при совнархозе научный совет, разбирающий и вырабатывающий чисто научные обоснования и подходы к упорядочению и налаживанию народного хозяйства». И далее призывал «использовать широкие возможности привлечения людей науки из Петербурга, хотя бы не на постоянную работу в органы совнархоза, а наездами, на время рассмотрения и разработки планов работы».

Именно таким человеком - не чуждым науки и время от времени появлявшимся в Мурманске, был Барченко. В конце июля он уже возглавлял упомянутый выше научный совет и руководил при совнархозе научно-показательной опытной станцией, размещавшейся по адресу: База, барак № 23.

Развалины стали базой

Помещение, отданное Александру Васильевичу особым постановлением президиума Мургубисполкома, представляло собой, по его словам, «развалины маленького, в одну комнату барака, раскрытого, с выбитыми окнами и, как совершенно негодное для жилья, было сдано под коренную переделку... вместе с участком в 450 кв. сажен».

Усилиями самого Барченко, его сотрудников и мурманских властей здание опытной станции, переименованной впоследствии в научно-мелиоративную базу, удалось отремонтировать, разделить на четыре комнаты, а участок при нем очистить от камней, вскопать, огородить канавой и плетнем. Помимо жилых квартир база имела микробиологический и химический кабинеты с необходимым оборудованием, фотолабораторию и библиотеку. Штатная численность сотрудников - 10 человек, включая самого Барченко, его жену, ближайших друзей и учеников.

Из наиболее значимых достижений этого учреждения стоит отметить докладную записку «об эксплуатации в качестве пищевых продуктов и противочинготного средства в текущем и ближайшем годах местных океанских водорослей, имеющихся на Мурмане в неограниченном количестве», поданную Александром Васильевичем 12 сентября 1921-го на имя председателя Совета труда и обороны Владимира Ленина и председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета Михаила Калинина. А также подготовленную к 6 апреля 1922 года отпечатанную в типографии и распространенную по всему Кольскому полуострову популярную листовку «о способах разведения овощей и технике устройства огородов на севере».

Некоторые руководители края тех лет находили работу Барченко важной и нужной. Не всех, но многих грела мысль о том, что на губернию трудится и выполняет поставленные

ими задачи не абы кто, а целый профессор. Что, впрочем, в условиях жесточайшего жилищного кризиса и ведомственных войн, царивших тогда в заполярной столице, не избавляло его как директора научно-мелиоративной базы и просто интеллигентного человека от разного рода неурядиц.

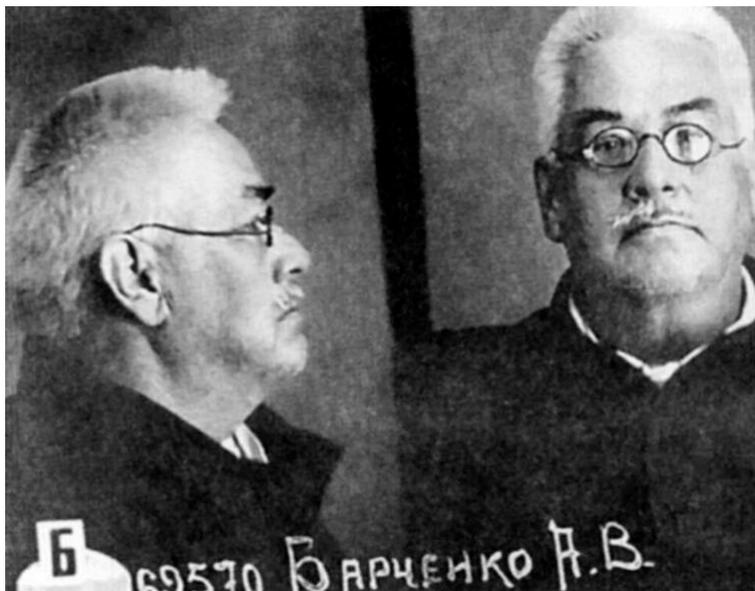
«Моя частная квартира, - описывал Александр Васильевич события 1921 года, - подверглась совершенно самоуправному, уголовно-наказуемому налету со стороны представителей военно-морского ведомства г. Мурманска во главе с неким Екимовым». В 1922-м ситуация повторилась. «Мною, - пояснял Барченко, - 6 апреля получена бумага за подписями коменданта и комиссара военпорта с требованием выселиться в течение 6 дней из занимаемого базой помещения (барак № 23), якобы принадлежащего военпорту и необходимого немедленно сему учреждению... что... совершенно исключает для меня и сотрудников возможность спокойной работы».

Брони не получалось

В литературе часто встречается утверждение, что Александр Васильевич был сотрудником НКВД и именно с подачи компетентных органов появился на Кольском полуострове. Между тем, каких только нападков ему не довелось пережить в нашем крае. У него отбирали научные приборы, его одернули, когда он в августе 1921-го попытался создать в Мурманске беспартийный комитет помощи голодающим Поволжья, ему и его сотрудникам не выдавали положенные продовольственные пайки и наконец просто грубили. «Кладовщик Батманов, - возмущался он 20 июня 1922 года, - обрушился на меня с дерзостями, заявив, что «передачи власти Барченко» он, Батманов, не признает, что вообще меня не признает... никаких распоряжений моих исполнять не будет и проч.». Думается, если бы Александр Васильевич служил в НКВД или действовал по указанию «товарищей» оттуда, они бы нашли способ избавить его от подобных проблем. А так - ему оставалось только всякий раз взывать к местному начальству, просить «принять действительные меры», ходатайствовать об ограждении «от чисто самоуправных действий», «от угроз «строгой ответственностью». Почти как профессор Преображенский у Булгакова: «Чтобы это была такая бумажка, при наличии которой ни Швондер, ни кто-либо другой не мог бы даже подойти к двери моей квартиры. Окончательная бумажка. Фактическая. Настоящая! Броня». Но брони не получалось.

Впрочем, сомнения скептиков вызывала не столько официальная деятельность научно-мелиоративной базы, сколько проповедуемые Барченко оккультные взгляды. Еще в октябре 1921 года Александр Васильевич прочитал в Центральном рабочем клубе Мурманска три лекции: «Новое в науке о душе и разуме», «Забытые богатства Мурманска» и, внимание, «Новое о легендарной древней культуре». Под «легендарной культурой» понималась, очевидно, Гиперборея, к поискам которой активно приступили летом 1922 года. Но об этом позже.

6.2 Родоначальник кольской Гипербореи (Продолжение. Начало в № 240, 245, 1, 5, 10, 15.)

А. В. Барченко. Снимок из следственного дела 1937 г. С сайта lexicon.dobrohot.org

Если отбросить в сторону разного рода эзотерику, обнаружится, что о начинании, ошастливившем мир кольской Гипербореей, неизвестно почти ничего. Между тем событие это было для Мурмана выдающимся, знаковым. И, как выяснилось при ближайшем рассмотрении, лишенным всякой мистики. Более того, изучая документы, связанные с ловозерской экспедицией Барченко, я то и дело задавался вопросом: неужели это то самое знаменитое путешествие? Где аномальные явления? Где умопомрачительные загадки и душераздирающие тайны? Где Гиперборея наконец? В протоколах, постановлениях, актах и телеграммах, хранящихся в Государственном архиве Мурманской области, о древней цивилизации не упоминается вообще. Поневоле задумаешься: а был ли мальчик? В смысле, действительно ли искали легендарную страну или преследовали другие цели? Но не будем забегать вперед.

Беспрецедентное мероприятие

Впервые эту идею официально озвучили на заседании Мурманского губернского экономического совещания 13 июня 1922 года в присутствии высшего руководства края. Заведующий земельным отделом Дмитрий Мошников, в подчинении которого находился Барченко как директор научно-мелиоративной базы, указал, что самое важное препятствие для отдела - «отсутствие учета площадей годных к обработке земель и их квалификации. Это обстоятельство... совершенно не дает возможности вести дальнейшую работу». И предложил «разрешить земотделу послать экспедицию от научно-мелиоративной базы для обследования края». Мошникову дополнил Барченко, доложивший совещанию «подробный план работ предполагаемой экспедиции». Взвесив все аргументы за и против, экосо постановило: «а) Признать научно-мелиоративную базу руководящим центром землеустроительной и сельскохозяйственной кампании на Мурмане, объявляемой с настоящего числа земотделом, б) признать немедленную организацию экспедиции для учета и квалификации земельных площадей и оброчных статей Мурманской губернии необходимой, в) началом экспедиции считать первое июля, к подготовительным работам по обеспечению ее личным составом и материальными средствами приступить немедленно, ...обеспечить экспедицию всеми формами довольствия, транспортных и передвижных средств авансом на четыре месяца,

г) работы экспедиции в окончательной сводке должны быть представлены в экосо и зомотдел не позже 15 октября, д) штат экспедиции определяется в одиннадцать человек, в состав коих входит весь штат научно-мелиоративной базы зомотдела и шесть технических работников приглашаются немедленно из центра, е) организацию и начальство над экспедицией поручить А. В. Барченко на основах персонального с ним договора..., ж) подчинить Барченко на ближайшие четыре месяца для этой работы непосредственно президиуму губисполкома».

Задуманное было для разоренного гражданской войной края беспрецедентным, и готовились к нему со всей серьезностью. 7 июля Барченко представил Мургубэкосо свои соображения по поводу экспедиции, особо отметив, в духе популярного тогда лозунга про учет и контроль как основы социализма, что ее целью является «проверка имеющихся в распоряжении научно-мелиоративной базы зомотдела цифровых данных».

В развернутом докладе он пояснил, что «необходим фактический учет и обследование всех отраслей хозяйства полуострова. Нужно учесть земельные и лесные участки. Нужно учесть оленеводство и скотоводство. Наконец, есть очень серьезные основания полагать, что даже карта составлена неправильно. Например, судя по некоторым данным, в центре полуострова должен проходить большой хребет - ответвление хибинского. Без правильного учета всех этих отраслей хозяйства и земельных площадей работа зомотдела здесь на месте будет производиться впустую».

Скептики не хотели мириться

Гиперборея в докладе Александра Васильевича отсутствовала напрочь. Он говорил о том, что поскольку «в Мурманской губернии нет путей сообщения: ни пеших, ни проезжих, - целью экспедиции является проложение хотя бы пешеходных троп. Нужно также исследовать вопрос о речном и озерном рыбоводстве, которые могут быть доходной статьей губернии. Наконец, учеными силами экспедиции будут определены необходимые астрономические пункты и установлены гидротехнические сооружения». Сделать планировалось многое. Однако поиска следов древней цивилизации в этом перечне нет. Так, может быть, он и не предполагался?

Думаю, такая цель все-таки была. Но - неофициально. Поставьте себя на место мурманских властей. Одно дело - выделить средства на решение насущных экономических задач, и совсем другое - на деятельность по принципу «пойди туда, не знаю куда, отыщи то, не знаю что».

Древние цивилизации в списке первоочередных интересов регионального руководства явно не значились. К тому же далеко не все местное начальство находилось под обаянием учености Барченко. Имелась и оппозиция. К примеру, секретарь губернского зомотдела Александр Жамков в посвященной экспедиции статье «В добрый час!», опубликованной в «Полярной правде» 20 июля 1922 года, упоминает о неких «скептиках».

По его словам, немало копий было сломано при «защите маленького культурного отряда, ютившегося в избушке, с существованием которой в качестве научно-мелиоративной станции кое-кто упорно почему-то не хотел мириться». Так что делиться своими гиперборейскими замыслами с кем-либо, кроме ближайшего круга единомышленников, Александру Васильевичу было не с руки.

Впрочем, для него все сложилось как нельзя более удачно. Предложенную им смету на сумму 418 тысяч рублей дензнаками 1922 года губэкосо утвердило. Пайками, одеждой и необходимым снаряжением, в том числе фотоаппаратом с сотней фотографических пластин, по мере сил обеспечило. Оборудовать временные базы экспедиции на острове Кильдин, в Териберке, Александровске, Варзуге, Умбе и Кузомени, выделив на снабжение каждой точки по 5 пудов муки, помогло. «Работы экспедиции продолжатся около года, - заявлял Барченко. - Разведывательная партия будет работать около трех летних месяцев. Летняя экспедиция завяжет все необходимые связи».

Мурманские Нью-Васюки

Подчеркивая масштабность замысла, Жамков сообщал, что «отряды экспедиции под общим начальством члена плановой комиссии биолога А. В. Барченко, при консультировании по вопросам биологии и санитарно-гигиеническим проф. Н. М. Книповича и академика В. М. Бехтерева, при участии семи высококвалифицированных специалистов, в том числе проф. Г. А. Надсона, И. Джандиери и А. Кондияйна ведут обследование сорокаверстной полосы Терского берега, Кольского фиорда и Восточного Мурмана с всесторонним учетом наличия факторов развития сельскохозяйственных культур».

В другом материале, напечатанном «Поляркой», упоминалось об отправке из Петрограда «трех агрономов и одного почвовед» и вдобавок известных «проф. Надсон и Сулима-Самойло». В том же контексте назывался еще и «проф. Федченко».

На мой взгляд, этот грандиозный проект явственно отдавал не придуманными еще на тот момент Нью-Васюками. Для того чтобы согласовать одновременную работу столь многих специалистов, среди которых ведущие в своих сферах, усилий только региональной власти было недостаточно. Отмечу также, что друг Барченко астроном Александр Кондияйн профессором тут поименован явно для солидности, а об участии в экспедиции остальных перечисленных выше ученых нет никаких данных. Зато работавший тогда на Кольском полуострове третий год подряд выдающийся почвовед профессор Николай Прохоров о трудах Александра Васильевича ничего не знал. А когда позже попытался покритиковать его деятельность, мол, «плохо, что Барченко не согласовал вопроса об исследованиях со мною, ибо благодаря этому получился сумбур в работе и лишний расход средств», получил отповедь от председателя Мурманского губисполкома Петра Рощана: «Тов. Прохорову самому следовало согласовать свою работу с исполкомом».

Как бы то ни было, на экспедицию Барченко возлагали большие надежды. Более того, от нее ждали прорыва. Казалось, стоит пристальней взглянуть на богатства Мурмана, и жизнь сразу изменится в лучшую сторону. «Мургубэкоско ждет исключительных результатов от этой первой попытки, - резюмировал Александр Жамков. - Целый ряд объективных данных говорит вполне надежно за то, что руководителю экспедиции и его ближайшим сотрудникам... удастся справиться с их нелегкой задачей».

Промежуточные итоги

На громаде планов мурманчан обратил внимание центр. 21 июля 1922 года уполномоченный наркомзема Некрасов телеграммой запросил: «Чьим распоряжением организованы работы Барченко, Надсона, Федченко, каковы цель, характер работ, кто финансирует?». Завгубземотделом Мошников ответил: «Экспедиция Барченко, Надсона, Федченко, Джандиери организована Мурманским экономическим совещанием. Им же полностью финансирована. Заключены персональные договоры. Экспедиция уже начала работы. Цель - срочный учет экономических возможностей губернии, квалификация доходных статей, в частности эксплуатация океанских водорослей на удобрение фураж». Больше вопросов не поступало. В тот же день, 21 июля, комиссия Мургубэкоско специальным актом зафиксировала, что обязательства Барченко по научно-мелиоративной базе «выполнены в полном объеме». И Александр Васильевич окончательно погрузился в экспедиционные дела.

Не стану утомлять вас, уважаемые читатели, подробностями ловозерского похода Барченко и его соратников. Все они давно растиражированы в оккультной и фантастической литературе. Но хочу еще раз обратить ваше внимание на то, что в официальных отчетах нет ни одного упоминания об открытии следов Гипербореи. Промежуточные итоги экспедиции подвели 22 августа 1922 года. В протоколе заседания Мургубэкоско записано: «Проф. Барченко информирует о целях и задачах экспедиции, на которую возложены обязанности по собиранию всех ценных материалов и статистических

данных для губэконо и губздрави... Часть таковой уже выехала на места для производства работ и уже выполнила часть цифровой - на 70% и территориальной - на 50%». Более подробно Барченко отчитался 26 сентября 1922-го. «Я только что вернулся с Ловозера, где мы занимались изысканием нового пути на Ловозеро с Ягельного бора, - повествовал он, выступая на III губернском съезде советов. - Исследование дало много интересных результатов. В озерах Ловозера имеется масса рыб, но рыба эта не используется, ибо население совершенно не знакомо с засолкой, консервированием или копчением рыбы. С оленеводством мы пришли к заключению, что хозяйство это находится в плачевном состоянии и определенно гибнет... Открыты места вечной мерзлости в районе Ловозера. Нами привезены с собою образцы различных минералов. Исследованы в достаточной степени водоросли, которые дали хорошие практические результаты». И вновь - все, что угодно, только не Гиперборея.

Самое удивительное

Окончательный доклад по результатам экспедиции Александр Васильевич сделал на двух заседаниях губернского экосо 31 октября и 3 ноября 1922 года, предложив заодно список необходимых для края первоочередных хозяйственных мер. Несмотря на то, что экономического прорыва, которого ждали от деятельности Барченко, так и не случилось, и вместо обещанного года все завершилось за три месяца, совещание коротко постановило: «Работу экспедиции одобрить».

Полный текст отчета Александра Васильевича не сохранился, но, думаю, не ошибусь, утверждая, что следов древней цивилизации не было и там. Впервые они, видимо, появились в сообщении участника похода по Ловозерью Александра Кондяйна «В стране сказок и колдунов», сделанном 29 ноября 1922-го в Петрограде на географической секции общества «Мироведения». А в начале 1923 года уже сам Барченко выступил в прессе с рассказом о «гиперборейских» итогах своей работы, правда, подчеркнув при этом, что основная ее цель «состояла в обследовании экономического значения района, примыкающего к Ловозерскому погосту», а все прочие наблюдения сделаны «попутно». Оставляя на совести Александра Васильевича, в ноябре 1922 года окончательно покинувшего Мурман, все его «открытия», хочу заметить, что удивительны в этой истории совсем не они.

Поражают воображение не якобы гиперборейские остатки «колоссальных священных изображений», доисторические просеки в девственной Тайболе «с полуобвалившимися подземными ходами-траншеями», и не теория, «согласно которой лопари, параллельно с карликовыми племенами всех частей света, представляются древнейшими прародителями ныне значительно более высокорослой белой расы». Нет, поразительно другое - то, что главная цель экспедиции - экономическое обследование Мурмана - постепенно оказалась отодвинута на второй план, а затем забыта. Второстепенная же сперва заслонила ее, а потом и вовсе вытеснила, растворила в себе, оставшись единственной и неповторимой. Сегодня для миллионов людей Барченко и Гиперборея - синонимы, а о том, что все изначально задумывалось для учета богатств Кольского края, знают немногие. Вот это, по-моему, и есть самая настоящая фантастика.

Иллюстрации к повести «Четыре вечера на мертвом корабле».

6.3. Родоначальник кольской Гипербореи (Продолжение. Начало в № 240, 245, 1, 5, 10, 15, 19.)

Пароход «Победитель бурь», совершавший рейсы по Мурманскому побережью, получил повреждения. Из Екатерининской гавани его буксировали в Архангельск, но у острова Кильдин судно затонуло. Дело о гибели корабля рассматривала особая сессия трибунала по морским делам. Помимо непосредственных участников процесса, в зале суда оказались члены странного и малоизвестного общества «непутешествующих путешественников». По вечерам, после судебных заседаний, они собирались на списанном пароходе «Нептун» и рассказывали друг другу захватывающие истории. Первая из них была посвящена таинственным гиперборейцам.

Никто не вернулся

Известие о находке на Кольском полуострове следов исчезнувшей цивилизации вызвало неоднозначную реакцию в ученом мире. «Продолжительный обмен мнениями, выступление начальника отряда А. В. Барченко и ряд диапозитивов с посещенных мест, - оценивал итоги одной из дискуссий, посвященных результатам ловозерской экспедиции 1922 года, секретарь географической секции общества «Мироведения» Шибяев, - не рассеяли сложившееся у многих присутствующих мнение о малой объективности докладчика при описании им своих наблюдений и открытий, т. к. представленные фотографии дают возможность делать весьма противоположные выводы». Зато кольская Гиперборея пришлась по душе людям, по определению интересующимся последними достижениями науки - или тем, что за них выдается, отслеживающим занимательные околонучные загадки и странности. А именно писателям-фантастам. К примеру, Льву Гумилевскому, завязку книги которого «Четыре вечера на мертвом корабле» я привел выше.

Будучи достаточно популярным и весьма плодовитым автором, Гумилевский много писал для детей. Вот и «Четыре вечера...», выпущенные издательством «Молодая гвардия» и имеющие ярко выраженную приключенческую направленность, адресованы прежде всего юным читателям.

Четыре вечера, четыре истории - четыре самостоятельных рассказа, собранных под одной обложкой и соединенных благодаря заглавному сюжету в единое целое. О золотом узле, о кладбище мамонтов, о черных песках. А тот, действие которого происходит в нашем крае, - об острове гипербореев.

Фото: Лев Иванович Гумилевский.

Повествование начинается интригующе: «Из Колы, направляясь вглубь полуострова, вышел 24 июня 1913 года топографический отряд. Отряд, состоявший из шести человек, намеревался обследовать течение реки Умбы, вытекающей, как не многим известно, из озера того же названия. Никто из участников этой экспедиции не вернулся».

Летом 1926 года в том же направлении отправился другой отряд, «состоявший всего лишь из двух человек»: старого охотника Николая Колгуева по прозвищу Колгуй и молчаливого незнакомца, за чудесный дар исцеления именуемого «доктором». Целью их путешествия стал Остров Духов, который «находится в самой середине озера Умбы» и о котором известно только то, что «всякий, пытавшийся переправиться с берега на остров, погибал».

Выходец из другого мира

По пути они наткнулись на «необычайные каменные лабиринты, где лопари, остающиеся до сих пор язычниками, приносят жертвенных животных своим сердитым богам».

Раздобыв лодку, путешественники отправились к искомому острову. И тут доктор неожиданно преобразился. «Доктора не было. Вместо него в лодке стоял высокий индус в шелковом шелестящем халате, отливавшем на солнце всеми цветами радуги. Белая чалма была глубоко надвинута на лоб, и, когда на крик Колгуя индус оглянулся, старый охотник не сразу признал в нем своего спутника».

На Острове Духов их встретили бородатые мужчины, вооруженные луками и стрелами, оказавшиеся, как обнаружилось позже, вырождающимися наследниками великой цивилизации гипербореев. Колгую запретили покидать лодку, поскольку «всякий, кто ступит ногою на их землю, становится жителем их страны и рабом». Ночью одна из гипербореек передала охотнику рукопись на русском языке, в которой были даны краткие сведения о жителях острова. Из нее же стала ясна судьба пропавшего в 1913-м топографического отряда.

Гиперборей сперва обратили топографов в рабство, а потом принесли в жертву своему богу Апуллу - местному аналогу Аполлона. Женщину, передавшую рукопись, тоже должны отдать божеству. В финале повествования Колгуй и доктор благополучно возвратились в Колу. При этом выяснилось, что доктор, с самого начала казавшийся

старому охотнику «выходцем из другого мира», действительно является посланником от неких людей или даже организации «из Тадж-Магала, близ Агры, из Индии», прибывшим, «чтобы проверить, существует ли еще древний род гипербореев».

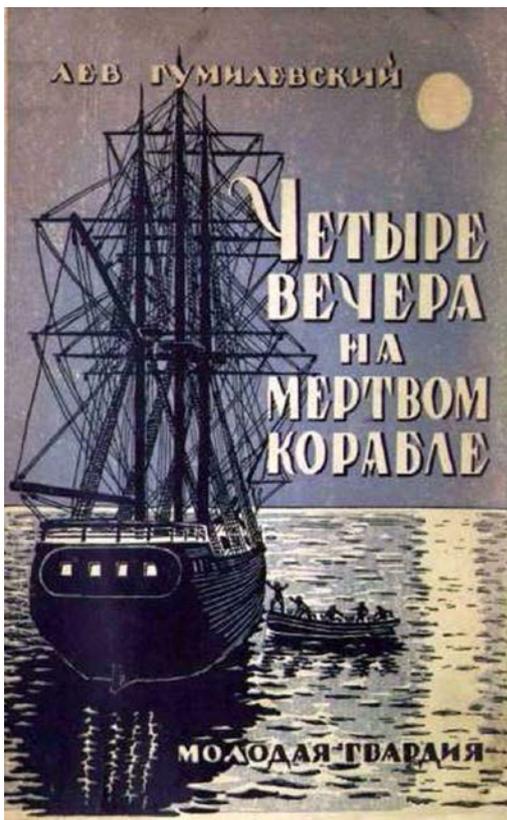

Фото: Обложка книги «Четыре вечера на мертвом корабле».

Судя по всему, автор «Четырех вечеров...» никогда не был на Кольском полуострове. Уж больно много неточностей допускает он при описании нашего края. Жителей Колы - колян - именует «колычанами». Путешественники у него скачут по лесным и болотным дебрям на лошадях, продираясь через бьющиеся «о колена коней вечнозеленые листья багульника». Между тем для Мурмана зимой куда более актуальны были олени. Летом же передвигались пешком и на лодках. Так, в 1881 году «Комиссия по изысканию мер к должному развитию Севера» сообщала, что от Кандалакши до Колы «должностные лица полицейского, акцизного, лесного, судебного, врачебного, почтового и других ведомств и мировые посредники» добираются по тропе, «проложенной издавна вольными и невольными путешественниками, по которой рядом два человека не могут идти, а должны следовать один за другим гуськом».

Очевидно для экзотики введено в текст «сдобренное для крепости пьянящим настоем багульника» колычанское пиво - разве что можно воспринимать его как своего рода провидение - прообраз появившегося позднее в Коле пивзавода. Да и «обследовать течение реки Умбы» удобнее все-таки, отправляясь в поход из Кандалакши или из села Умба, но никак не из Колы.

Сюжет из газетной вырезки

Понятно, что Гумилевский ориентировался в жизни Мурмана по доступной ему литературе. Отсюда и абсолютно нехарактерная для Колы фамилия Колгуев, данная автором персонажу в честь одноименного острова в Баренцевом море. И лабиринты - древние сооружения в форме спирали, выложенные из камней на поверхности земли, происхождение и предназначение которых активно обсуждалось уже тогда. И Гиперборея, обнаруженная прежде всего в прессе тех лет, рассказавшей об итогах экспедиции Барченко.

Фото: Иллюстрации к повести «Четыре вечера на мертвом корабле».

Впрочем, источники данных о легендарной стране автор и не думал скрывать. Наоборот, подчеркивал, придавая произведению дополнительную «научность» и «достоверность».

«- И вы документально можете подтвердить вашу историю о гипербореях?

- Да, - спокойно подтвердил он, - мы надеемся, что вы станете членом нашего общества, и мы с удовольствием ознакомим вас с нашими делами. Да, если завтра вечером вы зайдете в секретариат, то вам предъявят и подлинный текст из Диодора (имеется в виду древнегреческий историк Диодор Сицилийский. - Д. Е.), и переписку учреждений о гибели топографического отряда на Умбе, и фотографические снимки, сделанные на острове одним русским врачом, моим приятелем, который приезжал сюда из Индии специально для того, чтобы проверить какие-то записи о существовании родственного им народа на северо-востоке России...

- Да, но ведь все это должно было давно уже получить широкую огласку!

- Вы правы, вам покажут и вырезку из газеты, где вы прочтете сообщение о том, что Фритиоф Нансен ведет переговоры с русскими учеными о снаряжении совместной экспедиции для исследования Кольского полуострова...»

Книга Гумилевского, ставшая первой гиперборейской ласточкой советской фантастики, была закончена в декабре 1926 года. Вошедшая в нее «Повесть о стране гипербореев», возможно, создана еще раньше - летом 1926-го, когда, если верить тексту, и произошло путешествие на Остров Духов. То есть с момента окончания ловозерской экспедиции Александра Барченко до публикации первого, навеянного ею художественного произведения прошло менее четырех лет. Это, конечно, не «утром в газете, вечером в куплете», но по литературным меркам очень быстро. «Четыре вечера на мертвом корабле» увидели свет в 1927 году. Тогда же под заголовком «Страна гипербореев» рассказ про Колгуя и доктора появился в апрельском номере журнала «Всемирный следопыт».

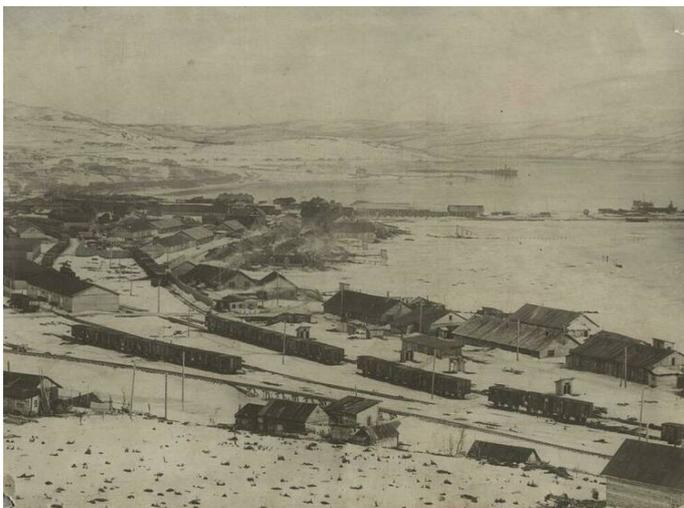
Влияние гиперборейских идей

В 1928-м гиперборейская «сага» получила продолжение. Сергей Семенов, в будущем известный археолог, прославившийся изготовлением аналогов древних инструментов по технологиям каменного века, опубликовал рассказ «Кровь земли». Под «кровью» он подразумевал магму, текущую в земных недрах, как кровь по кровеносным сосудам. По сюжету профессор геологии Павел Андреевич Тураев, инженер Игорин и механик-самоучка Захаров испытывают «Плутон» - новую подземную машину, созданную для разведки залежей тяжелых металлов на Северном Урале. «Но, помимо практических целей, на обязанности экспедиции лежали и более серьезные задачи. Предстояло окончательно разрешить глубочайший научный вопрос о внутренней структуре Земли». Однако в планы людей вмешивается огненная стихия. Они попадают в поток раскаленной магмы, который неожиданно выносит их... к городу гипербореев, хранящих утраченные современным человечеством знания.

Казалось бы, от Северного Урала до Кольского полуострова путь неблизкий. Но влияние Барченко, пусть не столь явное, как у Гумилевского, ощутимо и тут. Та же идея об уцелевших «осколках» древней цивилизации: «Еще в бытность студентом, Тураев создал любопытную гипотезу о погибшей под снегами последнего ледникового периода культуре гипербореев. Гипотеза была так неожиданна и маловероятна, что не только профессора, но даже и студенты сочли ее шуткой. Идея о существовании в такие отдаленные времена на Севере Европы высокой цивилизации - и не могла не показаться только смехотворной выдумкой. С точки зрения геологии такая гипотеза еще была терпима. Но археологи об этом и слышать не хотели. Теплый климат, богатые ископаемые, близость моря - аргументы геологов - их абсолютно ни в чем не убеждали. Однако Тураев не сдавался. Мало того. Он шел еще дальше. На основании какой-то сомнительной находки он вздумал утверждать, что Гиперборейская культура не исчезла, что эта культура, может быть, существует и до сих пор». И она, по версии Семенова, действительно существовала. А в том, что гиперборейцы на сей раз отыскались под землей, по большому счету нет ничего неожиданного: еще в дореволюционном романе «Из мрака» Барченко обыграл легенду об ушедшем в земные глубины племени чудь. Финал рассказа печален. Из-за неосторожных действий экипажа «Плутона» город гипербореев гибнет, а наследники древней цивилизации переселяются в другое место. Погибают и отважные исследователи земных глубин. Сам же «Плутон» в 1934 году во время извержения вулкана оказывается вместе с лавой на поверхности одного из Филиппинских островов.

Так появилась кольская Гиперборейя. Сперва благодаря стараниям Александра Барченко, финансовым вливаниям Мурманского губэконо и несколькими публикациями в прессе - как гипотетический результат ловозерской экспедиции 1922 года. Затем - как один из псевдонаучных мифов современной эзотерики и популярная тема в отечественной фантастике. Ныне сгинувший в годы репрессий Александр Барченко для многих культовая, хотя правильнее - оккультная - личность. Способствовали тому и книги. Гумилевский и Семенов были только первыми ласточками. Сейчас из «гиперборейских» произведений можно составить целую библиотеку. И время от времени она пополняется...

7. Мечты двадцать третьего года (Начало в № 240, 245, 1, 5, 10, 15, 19, 23.)

Мурманск начала 20-х. Рядом с жилыми вагонами те самые парные будочки. Дверей, как видите, действительно нет.

В 1924 году вышел в свет знаменитый роман Николая Муханова «Пылающие бездны». Одна из первых в Стране Советов «космических опер» содержала не только красочные картины военного противостояния Земли и Марса, но и описание будущего третьей планеты Солнечной системы. Единое мировое правительство со столицей Грозаур на Урале, всеобщий язык - азир, межпланетные полеты, ядерная энергетика, изменение людьми орбит небесных тел, искусственные солнца, увеличение продолжительности жизни до нескольких сотен лет, чтение мыслей - все это, по мнению автора, должно было состояться полтысячелетия спустя. Но мало кто знает, что еще до публикации книги Муханова мурманчане предложили свою версию грядущего, относящуюся к тому же 2423 году, когда происходит действие «Пылающих бездн».

Тропические леса морошки и брусники

«Посылаю мысль мою по могучему радио фантазии... в далекое будущее», - таков зачин статьи «Все прекрасное впереди. Первое мая на Мурмане в 2423 году». Сочинение это, подписанное псевдонимом Мечтатель, появилось на страницах «Полярной правды» ровно за 500 лет до означенной в его заголовке даты.

Начинал Мечтатель с главного: «По всемирному радио звучит громopodobный голос: «Да здравствует Земношарная Социалистическая Республика; привет красному Марсу и революционной Венере: пролетарии всей Солнечной системы, соединяйтесь!».

Затем следовал переход от всеобщего к частному: «Снегу нет - нагрели Гольфштрем исполинской электрической печкой, и потеплел Мурман так, что заросли морошки и брусники на горах разрослись в настоящие тропические леса... Все по-новому: в порту грузятся тысячи судов (вместо современных полутора в год), жители Дровяного не ездят в Мурманск и обратно с опасностью для жизни на пароходах с сомнительной репутацией, а носятся туда и обратно через грандиозный мост в невесомых вагонах умопомрачительного трамвая. В роскошном здании музея показывают под стеклом «настоящий жилой барак нашей эпохи».

Контраст между настоящим и будущим автор подчеркивает жестко: в музейном бараке посетители натываются на «кучу людских скелетов». Экскурсовод с печальной улыбкой поясняет: «Когда обитателей этого барака 300 лет тому назад попросили перейти во вновь выстроенный каменный дом, они не поверили, думая, что их хотят хитростно выселить; вцепились в дверные ручки и никого не пускали; так и умерли».

Впрочем, прежние заботы давно ушли в прошлое: «Весело всюду. И если кто грустит, так это только старые кольские женки, ибо нет больше весной «подснежной» брусники и клюквы».

«Все прекрасное...» - самое раннее свидетельство знакомства мурманчан с произведениями отечественной фантастики, для которой повествование о революционном пожаре на соседних планетах стало к тому моменту общим местом. Про «всемирную республику мозолистых рук» на Земле, ожидаемую тогда в самом ближайшем времени, буквально на днях, и говорить не приходится. А еще в статье предсказано появление «грандиозного моста» через Кольский залив и краеведческого музея. Да и «нагретый Гольфштрем» при желании можно принять за нынешнее глобальное потепление.

Утопия местного уровня

Год, когда выяснилось, что стоит лишь подождать полтысячи лет и все будет хорошо, стал для Мурманца особым. После тяжелого кризиса, связанного с гражданской войной и сменившей ее разрухой, наконец-то обозначились перемены к лучшему.

25 мая 1923 года Совет труда и обороны утвердил положение «О колонизации Карельско-Мурманского края». По нему Мурманская железная дорога на 10 лет получила в пользование около 250 тысяч квадратных километров земли, обрела право на эксплуатацию находящихся на ней лесов, недр, вод и других природных сил и богатств. Введенные тем же положением льготы для переселенцев должны были обеспечить приток необходимой рабочей силы.

Центральная власть разрешила беспощинный ввоз через мурманский порт заграничных товаров для нужд Кольского полуострова. У северной окраины страны появились новые перспективы. И - новые мечты.

«К огромному красивому зданию «Дворца ученых», находившемуся на проспекте Ленина и выстроенному из лучшего тивдийского мрамора, вывезенного из Карелии, подъезжали один за другим автомобили. Улица была запружена народом. Казалось, все трехмиллионное население Мурманска было занято одной мыслью: действительно ли сегодня подтвердятся предположения профессора Вавилова, опубликованные им в печати. На крышу «Дворца ученых», на особо устроенную площадку, то и дело спускались, чтобы посадить пассажиров - иностранных ученых, и снова улетали аэропланы».

Приведенный выше отрывок взят из рассказа «В 2023 году», напечатанного столетием ранее в журнале «Вестник Мурмана» за подписью М. Занд. Почти одновременно с ним был издан замечательный роман Якова Окунева «Грядущий мир: 1923-2123». Обращенная в грядущее мурманская греза возникла, очевидно, под его влиянием. В романе, фактически первой советской утопии, гений анабиоза профессор Моран с помощью особого газа усыпляет свою смертельно больную дочь Евгению и рефлексирующего интеллигента Викентьева, оживающих 200 лет спустя.

В рассказе выдающийся ученый Вавилов силой науки оживляет человека - телеграфиста Мурманской железной дороги - из прошлого. И точно так же, как в «Грядущем мире», герой рассказа поражен масштабами свершившихся преобразований. Правда, преобразований местного уровня. «Да, - говорил он, - наша мечта осуществилась, Мурманск ожил. Но мы и во сне не видели, что он станет таким огромным городом».

Уборные без дверей

Действительно, когда создавался рассказ, представить самый северный незамерзающий порт страны трехмиллионным мегаполисом было нелегко. Скорей уж, заполярная столица являла собой в ту пору нечто противоположное своему фантастическому образу. «Губернский город Мурманск, - характеризовал краевой центр образца 1923 года первый председатель мурманского горсовета Александр Меллер, - совсем не похож на город. «Чемоданы», бараки... Нет ни одного нового дома. Жителей в городе больше 5000. Порт только называется «торговым», товары через него не идут, ввозят преимущественно уголь для железной дороги. В порту стоит арестованный английский тральщик, ловивший рыбу в наших водах. Назревает ультиматум Керзона. У служащих еще существуют «пайки». Деньги считают миллиардами».

Руководитель побывавшего в Мурманске с гастролями в 1923 году Петроградского государственного передвижного театра Павел Гайдебуров самые яркие впечатления о заполярной столице описывал так: «Из местных культурных мероприятий обращают на себя внимание обильно рассыпанные повсеместно парные будочки. По загрязнению можно судить, что пользуются всеобщими симпатиями. Запоров нет.

- Как же вы пользуетесь ими? Хоть бы веревочки навязали.

- Так и пользуемся. Сидишь и сам караул несешь, заметил в щелочку, что женщина направляется, сейчас даешь окрик».

Это можно было бы счесть анекдотом, рассказанным заезжей знаменитостью, но Меллер свидетельство Гайдебурова полностью подтверждает. «Множество уборных, - вспоминал он, - и во всем сквозит «политика открытых дверей» (двери пошли на топливо)».

Что ж, когда окружающая действительность слишком неприглядна, именно мечта позволяет хоть как-то с ней примириться. «Я не вижу хибарок, - утверждал герой вполне реалистического, посвященного перспективам северной колонизации рассказа «Осипыч»,

опубликованного тогда же, в 1923-м, в том же «Вестнике Мурмана», - я вижу двадцати-тридцатизэтажные дома, я слышу кипение жизни русского Нью-Йорка, пристань, полную громадных океанских пароходов, гул работы в глубине подземных шахт, выкидывающих из недр земли неисчислимые богатства...»

Если такими словами описывали ближайшее будущее, то уж через сто лет, казалось, и вовсе наступит сплошное счастье.

Фото: Павел Гайдебуров. 1916 г.

Счастье по-мурмански

Вернемся к рассказу «В 2023 году». Вот как выглядит счастье по-мурмански:

«Посмотрите сюда. Видите - весь квартал занят целым заводом... Здесь исключительно происходит копчение рыбы. А вот там - эти четыре здания - с тысячью людей вызваны к жизни креветками, которых у берегов Мурмана так много, и притом они не уступают по вкусу французским. На другом конце Мурманска находятся громадные отделения, в которых рыба вялится и засаливается... Мы являемся главнейшими поставщиками для всего земного шара рыбьего жира как для лечебных, так и для других целей... Оленьи стада теперь настолько велики, что заготовка мясных консервов является не меньшей отраслью, чем рыбные промыслы».

Гость из прошлого не может прийти в себя от изумления: «Но ведь это сказка, - пробормотал он. - Мне кажется, я сплю и вижу это во сне». Потрясенному телеграфисту показывают железную дорогу. И он восклицает: «Позвольте!.. Ведь это колея моей родной Мурманки!.. Но где же паровозы?.. Где дым родной, который так и сладок, и приятен!..» Леониду - так зовут телеграфиста - с полным сочувствием к его отсталости поясняют: «Мурманка электрифицировалась... Нет больше дымящих паровозов. Электрические поезда с быстротой молнии мчатся из Мурманска в Петроград».

Но окончательно добывает ожившего «целый лес мачт парусных судов и труб океанских пароходов» в мурманском порту. В состоянии близком к обморочному его увозят прочь, и после этого он, не в силах вынести обрушившихся на его голову столь разительных, пусть и прекрасных, перемен, тяжело заболевает.

Тем не менее конец у рассказа счастливый. Леонид находит себя на Северном полюсе. Колонизация там идет полным ходом, но все-таки макушка планеты еще не столь обустроена, как заполярная столица. В финале воскрешенный реликт минувшей эпохи окончательно встраивается в грядущую жизнь и женится на дочери профессора Вавилова Ие. Хэппи-энд, да и только.

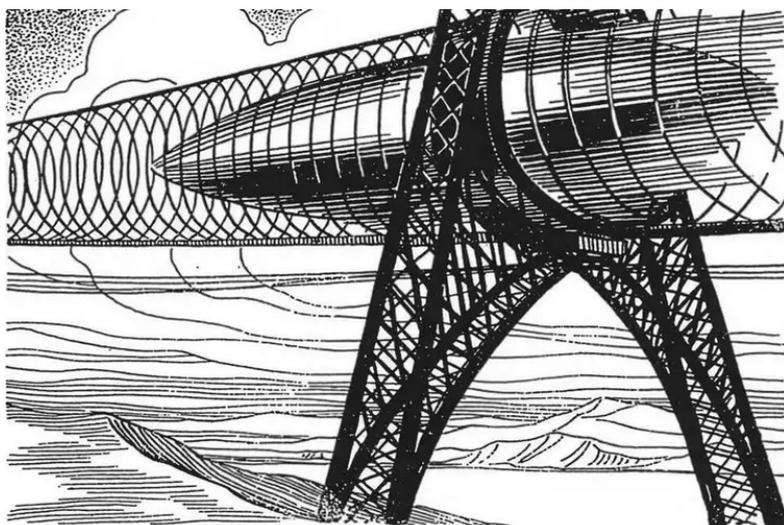
Рубильник будущего

Сегодня, когда 2023 год уже не столь далек, казавшееся некогда захватывающим и возвышенным описание будущего нашего края вызывает улыбку. В самом деле, у полета человеческой фантазии тоже имеются пределы, и представления о грядущем формируются непременно в границах, которые определяет реальная жизнь.

Помнится, есть такой старый-старый, еще немой фильм, в котором гениальный ученый запускает ракету на Луну. Самое интересное, как происходит запуск. Гигант мысли со всклокоченной от напряженной умственной работы шевелюрой, с дерзким блеском в глазах подбегает к стене и опускает рукоять громадного, в полкомнаты рубильника. Сверкает молния - ракета отправляется в полет... Вот и нарисованное М. Занд «светлое будущее» тоже чем-то смахивает на этот гигантский рубильник.

Хотя многое ведь угадано. И пусть не трехмиллионным, но почти полумиллионным Мурманск действительно был. Крупнейший в Европе рыбокомбинат существовал до начала 90-х именно здесь. Пусть не «Дворец ученых», но Дворец пионеров стал реальностью. Проспект Ленина по сей день остается центральной улицей. И лес мачт в порту, и огромные заводы, и электрифицированная железная дорога - все воплотилось в жизнь. Вот только всеобщее счастье по-прежнему за горами... Да и судьба выдающегося биолога Вавилова оказалась на самом деле совсем иной, куда более трагичной. Но это уже другая история.

8.01. На пороге всемирной коммуны (Начало в № 240, 245, 1, 5, 10, 15, 19, 23.)

**Фото: из журнала «Всемирный следопыт». 1926 г.
Разгон пассажирского воздушного снаряда на мурманском трамплине.**

Демонстрации под красными знаменами в Лондоне и Австралии. Баррикады в Париже и Нью-Йорке. Кровавопролитные бои между рабочими и полицией в Антверпене и Кейптауне. И как итог - всепланетное государство победившего пролетариата... Мировая революция! Когда-то надеждой на ее осуществление жили многие. В том числе и писатели-фантасты, создавшие немало произведений соответствующей тематики. Действие некоторых из них захватывает Север, Мурманск.

Фото: 1920 год. Красноармейцам, вошедшим в Мурманск после падения там власти белых, казалось: до мировой революции рукой подать.

Счастье на штыках.

Одна из первых пометок в записных книжках Алексея Толстого, относящаяся к работе над «Гиперболоидом инженера Гарина», включала следующие слова: «Начало - тундра. Ледовит[ый] океан». Роман, ставший классическим, часто переиздававшийся (в 1977 году выпустило его и Мурманское книжное издательство), завершался не только крахом авантюриста Гарина, но и всеобщим восстанием трудящихся, победой революции в Соединенных Штатах Америки. От заполярных идей Толстой в конечном счете отказался. Не то, как знать, пригодился бы ему для чего-нибудь и наш край. Тем более что в реальной жизни мурманчане едва не внесли в мировую революцию свой весомый вклад.

Фото: Иван Александров - кадровый офицер царской армии, ставший в 1920-м председателем Мурманского ревкома.

В марте 1920 года с инициативой похода в соседние северные страны выступил председатель Мурманского революционного комитета Иван Александров. «Буржуазия Финляндии и Скандинавии стоит на пороге... быть может, уже окончательного своего развала, - докладывал он губкому РКП(б), требуя довести свои соображения до товарищей из Совнаркома. - Терять момента, пожалуй, не имеет смысла. Моральное давление на классовые сознательные силы уже произведено, революция северного края там нашла эхо в сердцах, пылающих одним и тем же пролетарским огнем. Быть может, теперь он разгорится при небольшом фактическом надавливании».

Вот так. И в сказанном глава Мурманского ревкома был далеко не одинок. Помимо русских большевиков нести за рубеж счастье на штыках собирались проживавшие на Мурмане финны. Некоторые из них были участниками революции в Финляндии и, вынужденно эмигрировав на Кольский Север после ее поражения, мечтали победоносно вернуться на родину. «Местный финский отряд, - сообщал Александров, - сто семьдесят два человека с товарищем Петерсоном во главе... рвутся, охваченные революционным порывом». Существовала надежда и на экспорт диктатуры пролетариата через приграничный норвежский Финнмарк, считавшийся тогда в Стране фьордов очагом коммунистической заразы, центром антибуржуазного заговора. Правительство Норвегии всерьез опасалось создания на севере государства республики, которая объединится с Советской Россией. Впрочем, как выяснилось чуть позже, тревоги были напрасны. Заполярных мечтателей своевременно одернули из Москвы. Поход на Запад через Мурманск не состоялся.

Двухсоткилометровый трамплин

Зато в повести Сергея Григорьева-Патрашкина «Гибель Британии», опубликованной в 1926 году, наш край поспособствовал-таки крушению мирового капитала. Точнее он сыграл роль связующего звена между прогрессивными деятелями Запада и Новой Страной, выросшей из СССР. Представьте себе: конец XX века. Запад задыхается в тисках жесточайшего экономического кризиса. Великобритания на грани революции. Американский репортер Бэрд Ли и англичанин Лонг Ро отправляются в Москву. Их путь лежит через Кольский полуостров, где к тому времени возведено колоссальное двухсоткилометровое сооружение для нового сверхскоростного вида транспорта - трамплина. «Полуночное солнце коснулось глади океана... у берегов Ярфьорда, - повествует автор. - Лонг Ро и Бэрд Ли... взяли воздушный кэб, который быстро домчал их на станцию мурманского трамплина; над гранитными горами Лапландской тундры они увидели постройки и гигантскую спираль трамплина на Москву». Трамплин, собственно, и представляет собой подвешенную на мачтах громадную спираль

из трубчатого проводника, с относительно небольшим - около ста метров в высоту - подъемом в конце и расширением в виде раструба. «Вагон-якорь, подхваченный бегущим магнитным полем и увлеченный им, сначала бежал по рельсам, потом, ускоряя ход, взлетал в трубу, мчался в воздухе по оси трубы и вылетал из ее раструба на волю со скоростью около десяти километров в секунду». Пролетев положенное расстояние, вагоны, именуемые снарядами, улавливались раструбом принимающего трамплина, который гасил их скорость и останавливал, «чтобы потом бросить с легкостью игрока в теннис тысячепудовую махину обратно на расстояние полутора тысяч километров».

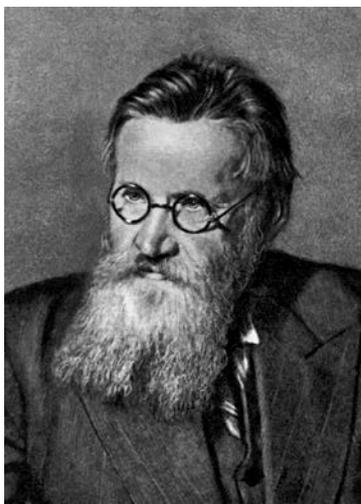

Фото: Сергей Григорьев-Патрашкин.

Правда, за скорость приходится платить. От последствий почти мгновенного перемещения в пространстве не спасают даже мягкие комфортабельные купе, напоминающие по форме... гробы: «Бэрд Ли в легком обмороке лежал теперь ничком, головой в сторону Мурмана, откуда вагон совершил свой лет. Влияние холодного ветра пробудило пассажиров к жизни, они встали, разминаясь, из своих гробов и выходили в зал прибытия трамплинного вокзала. Надпись гласила: «Станция Москва Великая». Бэрд Ли взглянул на часы: с того момента, как он улегся в гроб на Мурманской станции, прошло всего пять минут».

Сам Григорьев-Патрашкин, по-видимому, однажды побывал на Мурмане или у его берегов. Во всяком случае, в рассказе «Радио на Маре-Сале» он от первого лица излагает подробности плавания на пароходе «Ломоносов» из Архангельска в Вардё. Ну а в финале повести, после рассказа о многочисленных чудесах Новой Страны, атаковавшая ее Британия терпит поражение и начинает переговоры «об унификации мирового хозяйства», а Бэрд Ли со своей возлюбленной отправляется на далекую планету, обозначенную «в звездном каталоге под номером 00345875-678097-A-75».

Интересно, что появление в заполярной столице если не нового вида транспорта, то новой транспортной инфраструктуры было в ту пору вполне возможным. Во второй половине 20-х - начале 30-х шло активное обсуждение связанных с этим масштабных проектов. Мурманск мог стать конечной станцией Великого Северного железнодорожного пути - магистрали, соединяющей берег Баренцева моря с водными артериями Западной Сибири и далее идущей на восток вплоть до Татарского пролива. На северной окраине города, в Росте, планировалось разместить базу для дирижаблей, доставляющих людей и грузы в труднодоступные районы Арктики.

Наконец, административный центр нашего края предполагалось сделать головным портом Кольского канала, проложенного по внутренним территориям региона. В общем, предвидение Григорьева, пусть и фантастическое, было вовсе не беспочвенным.

8. 02. На пороге всемирной коммуны (Начало в № 240, 245, 1, 5, 10, 15, 19, 23, 33.)

В.В. Валюсинский

Даже без двухсоткилометрового трамплина и прочих неосуществленных транспортных новшеств Мурманск, задуманный когда-то как заполярное «окно в Европу», оставался своего рода перевалочной базой для связи с зарубежьем. И конкретно - с международным рабочим движением.

Полуподпольный «Запах лимона»

На Кольском полуострове работал представитель исполкома Коминтерна Александр Вастен. Здесь были организованы этапно-переправочные пункты на Финляндию и Скандинавские страны. По этим каналам как туда, так и обратно шли и люди, и почта. В Мурманске принимали делегатов III Конгресса Коминтерна, встречали и провожали зарубежных подпольщиков-коммунистов. И эта миссия нашего края тоже получила отражение в фантастической литературе.

«Скорость хода - 212 километров, альтиметр - 1350. Компас - норд-норд-ост. Гидроплан Ди Эч-файф несет над Северным морем тов. Уислоу и его почти потерявшего сознание спутника. Куда, товарищи? Прямо в СССР? Пока еще нет. Как огромная морская птица, гидро снижается, как только на горизонте показывается дымок нагоняемого им судна. Радио. Просьба об остановке. «Вацлав Воровский» стопорит... Странно, чрезвычайно странно инженеру О'Дэти после тюрьмы, после ожидания смерти так неожиданно очутиться среди заботливого товарищеского ухода в теплой, чистой, безопасной каюте «Воровского...» «Скоро, скоро, товарищ Дэти, будем дома. Маленький круг только, к сожалению. Если бы мы шли не на Мурманск, а на Ленинград, мы бы давно доставили вас на место...» Рыжий ирландец О'Дэти высадился в Мурманске с «Вацлава Воровского». С ним известный Глазговский коммунист Уислоу».

Фото: Л.В.Успенский

Роман «Запах лимона», принадлежащий перу Льва Успенского и Льва Рубинова, объединившихся под псевдонимом Лев Рубус, долгое время считался библиографической редкостью. Отчасти потому, что был запрещен Ленинградским ОГПУ и печатался в 1928 году, по сути полуподпольно, в харьковском частном издательстве «Космос». Вот как вспоминал Успенский - в дальнейшем известный филолог, автор популярной когда-то книги «Слово о словах» - о беседе, состоявшейся в компетентных органах: «Вам кажется - это можно напечатать? - посмотрел на нас товарищ Ш. - Да что вы, друзья мои! Давайте начистоту... Вы, как я понимаю, - странно, я вас представлял себе куда старше! - очевидно, много поработали... в нашей системе... Нет? Как так нет? А откуда же у вас тогда такое знание... разных тонкостей работы? Уж очень все у вас грамотно по нашей части... Но как же вы не понимаете: такая книга нуждается в тщательнейшей специальной редакции. Как - зачем? В нашем деле далеко не все можно популяризовать по горячим следам».

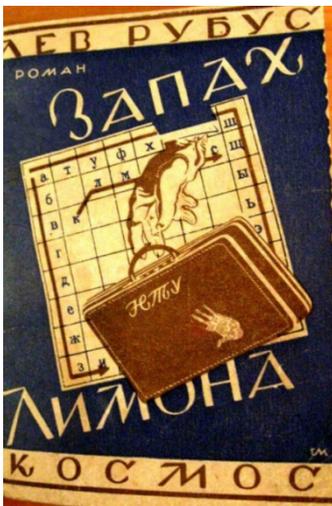

Фото: Обложка романа "Запах лимона".

Начинающие литераторы, сами того не желая, «несколько раз попали пальцем в небо, там, где этого совершенно не требовалось». Их сочинение, написанное в характерном для 1920-х годов стиле «красного Пинкертон» и посвященное борьбе за овладение революционитом - радиоактивным веществом необычайной силы, найденным в метеорите, получилось более достоверным, чем нужно. К тонкостям, не подлежащим популяризации, безусловно, относилась и переброска подпольщиков-коммунистов из Западной Европы в Советский Союз через заполярную столицу. Или, к примеру, маршруты сотрудников спецслужб:

« - Ты откуда? Столько времени не видались!..

- Откуда? Как это считать? Владивосток - Мурманск. Сейчас из Мурманска».

Завершается все очередной победой над классовым врагом. Революционит остается в СССР, и с его помощью борьба за дело трудящихся всего мира выходит на новый уровень. Для эпохи, когда чудилось, что всемирная коммуна уже на пороге, в такой концовке нет ничего необычного.

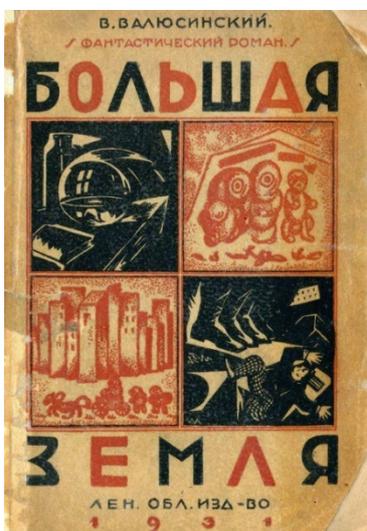

Фото: Обложка романа "Большая земля".

Новое Эльдorado

Если бы герои романа Льва Рубуса действительно побывали в заполярной столице, они бы увидели поселение, полное контрастов, порой больше похоже на стан золотоискателей из рассказов Джека Лондона, чем на обычный город. Вот как описывал самый северный незамерзающий порт Советского Союза в том же 1928 году, когда появился «Запах лимона», сибирский писатель Вивиан Итин. «В Мурманске - белые платья, шелковые чулки женщин, больше шелковых чулок, чем на Невском, потому что Мурманск - город самых фантастических заработков в СССР, - пояснял он. - Город горит в медленном полярном закате позолотой нового теса... Иностранные матросы стайками бродят по песчаным улицам, разыскивая кабаки и рынок. Бронзолицые хозяева стоят у входа новеньких лавчонок. Имена их написаны крупными буквами.

- Хао-Чо-Сян.

- Лю-Цзи-Цин.

- Ван-Бао-Шан.

- Чоу-Зын-Шен.

Песок. Жара. Китайцы. Неужели это полярная страна и рядом у лопарей пасутся северные олени? Вот, лопарь рядом, он, наверно, продает олени шкуры. Маленький человек улыбается. Он достает из кармана жестяную коробочку из-под граммофонных иголок. Жестянка полна бледных волнующих зерен.

- Это земчуг, - говорит лопарь.

За жемчужину величиной с крупную горошину он робко запрашивает червонец.

Перепись населения в Мурманске на 8000 населения обнаружила 35 национальностей, в том числе одного негра из племени сомали. «Народы» приходят в Мурманск за «большими рублями». Это население Клондайка, золотых россыпей, новых жирных стран. Безработные немцы из Гамбурга, норвежцы, финны, татары, китайцы - в трюмах, в теплушках - пробираются в свое новое Эльдorado, где нет безработицы, где грузчик «выгоняет 500 монет». Большинство населения - русские - беженцы, беглецы, бродяги - наш исконный человеческий избыток, в сущности гораздо менее оседлый, чем кочевники Кольского полуострова.

- Сюда попадают те, кому не дается работа на родине.

- Всего перепробовал, махнул на Мурманку.
- Заработают, выпьют до последнего. Так оно и вертится».

Минима-гормон

Невольно поверишь, что в таком городе или где-то в относительной близости от него могут произойти любые, самые фантастические события. Даже те, что описаны в романе Всеволода Валюсинского «Большая земля», по сюжету которого английский ученый Дэвис открывает «минима-гормон», уменьшающий живых существ в десятки раз. Узнав о чудесном открытии, акулы бизнеса решают, что мини-человечество им выгодно, так как требует меньших расходов. Революционно настроенный Дэвис попадает в тюрьму. От него требуют проведения опытов на людях. Ученому и его подруге Эллен удается бежать, и они оказываются на борту норвежского судна, идущего в Советскую Россию за пиленым лесом.

На побережье Белого моря, где-то близ родины автора «Большой земли» - Онеги, беглецы знакомятся с поморами: доктором Иваном Петровичем и охотником Петькой.

Показательно, что о Заполярье доктор знает не понаслышке. Он «видал скалы на Мурмане. Они мрачной стеной, «стамиком», упирались в холодный океан».

Героев берут в плен англичане, как раз в это время внезапно начавшие войну против большевиков. Чтобы бежать, Дэвис и его друзья принимают «минима-гормон». В уменьшенном виде они вместе с красными партизанами противостоят интервентам. Дэвис погибает. Нападение удается отразить.

Завершается произведение характерным для той эпохи образом. Эллен возвращается в Англию через Кольский полуостров. «Большой пароход отходил в Мурманск поздно вечером. Иван Петрович провожал Эллен. Оба они были уже нормального роста, прошедшее казалось им смутным сном». Герои романа, увидевшего свет в 1931 году, расстаются накануне больших событий. «Европа кипела, как в огне. Словно пузыри сменялись министерства, фашизм истерически, жестокими мерами пытался остановить нарастающую волну революции. В Англии власть взяли в свои руки коммунисты и, к ужасу «цивилизованного мира», сейчас же отозвали отовсюду свои войска... В Болгарии за месяц вырубил почти все рощи на виселицы, но... спустя короткое время на них повисли те, кто их строил... Всеобщая социальная революция носилась в воздухе...» С тех пор минуло почти столетие. Мечты о мировой революции ушли в прошлое вместе со старым Мурманском, так и не сыгравшим в ее свершении предначертанную фантастами роль. Ряды самих мечтателей сперва проредили репрессии, затем под корень вырубил война. И только пожелтевшие страницы старых книг напоминают сегодня о том, что когда-то всепланетная коммуна казалась делом не столь отдаленного будущего.

Мурман фантастический 16 марта 2017 года

9. Предчувствие космоса... в Заполярье (Начало в № 240, 245, 1, 5, 10, 15, 19, 23, 33, 36.)

Абсолютному большинству из нас «Необыкновенные приключения Карика и Вали» знакомы с детства. Эта повесть по праву считается одним из шедевров детской фантастики. И даже шире - отечественной литературы для детей. Но вот ее автор известен немногим. Между тем судьба его весьма примечательна, а творчество - связано с Мурманском.

Личный писатель Сталина

В декабре 1940 года в Кремль на имя вождя народов Иосифа Сталина пришло странное письмо. «Дорогой Иосиф Виссарионович! - значилось в нем. - Каждый великий человек велик по-своему. После одного остаются великие дела, после другого - веселые исторические анекдоты. Один известен тем, что имел тысячи любовниц, другой - необыкновенных Буцефалов, третий - замечательных шутов. Словом, нет такого великого, который не вставал бы в памяти, не окруженный какими-нибудь историческими спутниками; людьми, животными, вещами. Ни у одной исторической личности не было еще своего писателя. Такого писателя, который писал бы только для одного великого человека. Впрочем, и в истории литературы не найти таких писателей, у которых был бы один-единственный читатель. Я беру перо в руки, чтобы восполнить этот пробел. Я буду писать только для Вас, не требуя для себя ни орденов, ни гонорара, ни почестей, ни славы. Возможно, мои литературные способности не встретят Вашего одобрения, но за это, надеюсь, Вы не осудите меня, как не осуждают людей за рыжий цвет волос или за выщербленные зубы. Отсутствие талантливости я постараюсь заменить усердием, добросовестным отношением к принятым на себя обязательствам. Дабы не утомить Вас и не нанести Вам травматического повреждения обилием скучных страниц, я решил посылать свою первую повесть коротенькими главами, твердо памятуя, что скука, как и яд, в небольших дозах не только не угрожает здоровью, но, как правило, даже закаляет людей. Вы никогда не узнаете моего настоящего имени. Но я хотел бы, чтобы Вы знали, что есть в Ленинграде один чудак, который своеобразно проводит часы своего досуга - создает литературные произведения для единственного человека».

Насчет «никогда не узнаете моего настоящего имени» автор послания погорячился. НКВД вычислило его на 7-й главе посылаемой вождю «анонимной повести контрреволюционного содержания». 13 апреля 1941 года сочинителя, претендовавшего на звание личного писателя Сталина, арестовали, выяснив попутно, что зовут его Ян Ларри. Приговор по статье 58-10 УК РСФСР, подразумевавшей антисоветскую агитацию, был стандартным: лишение свободы сроком на 10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет. Отправляя литератора в лагеря, никто не вспоминал, что когда-то он посвящал вдохновенные строки светлomu завтра Кольского полуострова.

Фото: Ян Ларри.

Из беспризорников - в литераторы

«Они стояли теперь в кабине Мурманской линии. По экрану бежали: Города. Олени стада. Бурные реки. Гидростанции. Голые скалы горных хребтов. Неожиданные озера блестели сквозь чащу елей. Рыбоводные заводы теснились по берегам. Ледяные горные реки кипели бешеной пеной. И бескрайним океаном тянулись дренажированные болота. Окутанная туманом, на экране поплыла вершина Кукисвумчорра. Точно безмолвный страж хибинской тундры гора апатита поплыла над голубым спокойствием озера Большой Вудьявр, над концентрическим кольцом шумного города, над химическими, стекольными и алюминиевыми заводами, раскинутыми у подножья горы.

Промелькнула Лопарская долина, кипящая движением бесчисленных маневренных электровозов. Над горами, кажущимися хрустальными под полунощным солнцем, над зеленью елей прошли белые эшелоны облаков. Сквозь чащу леса мелькнули горные санатории. Потянулись, сдобренные зеленой апатитовой мукой, плодородные поля большеземельной тундры. Проплыли агрогорода, снабжающие полярный край сельскохозяйственной продукцией. И опять замелькали: Олени стада совхозов. Сиянье неожиданных озер. Лесные комбинаты. Бурные реки. Гидроэлектрические станции. Асфальтовое зеркальное шоссе, воздушные мосты через реки и паутина электромагистралей в тундре говорили о близости большого города. Все чаще и чаще попадали в фокус экрана приземистые гидростанции. Тускло сверкнуло море. И Павлу показалось, что в лицо ему ударил острый соленый запах воды».

Отец Яна Ларри - латыш по национальности - умер, когда сыну было 10 лет. Маленький Ян долго бродяжничал. Скитался по городам и весям, работал где придется. Экстерном сдал экзамены за курс гимназии, участвовал в Гражданской войне на стороне красных, переболел тифом, работал корреспондентом в харьковской газете «Молодой ленинец», окончил биофак Харьковского университета. С 1928 года профессионально занялся литературой. В 1929-м выходят его книги «Пять лет» и «Окно в будущее» - о достижениях и перспективах первой пятилетки.

Именно тогда в фокус внимания Ларри попал Мурманск, развивавшийся согласно пятилетнему плану как крупный центр рыбной промышленности. Но Ян Леопольдович пошел дальше. В 1931 году пишет роман «Страна счастливых», отрывок из которого я привел выше. В созданной писателем утопии нарисовано грандиозное грядущее страны победившего коммунизма в конце XX века. Заполярная столица занимает в ней особое место. Для главного героя, Павла Стельмаха, Мурманск - не только промышленный центр. Это город мечты, город будущего. И даже - родина космонавтики.

Выход - в колонизации планет

«- Мурманск! - взволнованно сказал Павел, - город, в котором созрело мое решение работать над звездопланом... Эcran, как бы вздрогнув, поплыл над небоскребами столицы Полярного круга. Павел жадными глазами смотрел на широкие проспекты, кишащие народом, на обширные площади, на стройную линию бесчисленных отелей-небоскребов, и в памяти его встало волнующее воспоминание о недавних годах, проведенных в этом изумительном городе.

Порт. Дремучие леса мачт и дымящихся труб. Сердце Павла учащенно забилося. Здесь, среди этой шумной разноязычной массы людей, бродил он когда-то в великом смятении. То были дни, которые посещают человека в период зрелости. Дни, которые приносят человеку сомнения в полезности собственного существования. Холодные и бесстрастные, они входят в сознание точно суровые судьи и задают вопрос:

- А что ты сделал, чтобы оплатить счет за блага, которыми ты пользуешься? Имеешь ли ты право ходить среди этих здоровых и веселых людей, потративших столько забот на твое воспитание? Не паразит ли ты?..

Он жил в столице Полярного круга в эпоху великих работ. По берегу залива возникали тогда гигантские холодильники, рыбоконсервные заводы и вырастали промышленные проспекты. Паутина транзитных дорог захватывала порт в свои путы, подбираясь к нему с юга, с востока и запада. Город рос с фантастической быстротой. Павлу случалось видеть, как ночью при свете прожекторов хлопотливо суетились люди и стальные хоботы кранов скользили в неестественном свете над пустырем, а утром на этом месте он находил бетонную глыбу здания.

Да, на его глазах... Мурманск обогнал теперь уже многие города Республики. Транзитный порт превратился в огромный столичный город полярного края с двухмиллионным населением и кипел жизнью. Этот бурный рост сделал Павла счастливым. Именно тогда у него возникли неоформленные мысли о новых городах, которые не могли бы уже найти для себя места на земле...

- Земля ограничена возможностями... Выход - в колонизации планет. Да, да!... Десять, двести, триста лет... В конце концов ясно одно: дни великого переселения человечества придут. Они не за горами!»

Вот уж действительно - космос как предчувствие.

От книги нужной до насквозь враждебной

Пожалуй, не найти в довоенной советской фантастике другого произведения, в котором заполярная столица и весь Кольский полуостров были бы выписаны столь подробно и тщательно. Тут и идущие из Мурманска радиоуправляемые поезда, напоминающие «приплюснутые дирижабли», и не существовавшие еще в ту пору телеэкраны в самом северном незамерзающем порте страны, и отопление Кольского Севера с помощью «температуранстанций», использующих энергию охлажденной воды. Упомянута в романе и наша область - за семь лет до своего появления в реальной жизни: «От имени Клуба ихтиологов передаю в распоряжение Республики озера северо-западной части Мурманской области. Опытные работы по обследованию этих озер закончены. Можно приступить к их эксплуатации. Клуб ихтиологов просит на три месяца прекратить какое бы то ни было передвижение и рыбную ловлю в Кандалакшской губе».

Отдельно рассказано о сельском хозяйстве на Мурмане. «Что же, как не поэзия, - зерновые злаки в Полярном кругу?.. Ну, конечно, если мы смотрим на поля пшеницы под Мурманском, как на обычное явление, тогда разговаривать нам не о чем. А знаешь ли ты, что еще в самом зародыше даже в первую далекую пятилетку, многие, как ты теперь, не верили в сельское хозяйство в полярном крае... Если ты был на севере, ты должен знать, что летний период там настолько короток, что почти ни одно растение не может созреть и дать плоды. Долгие годы пришлось затратить на то, чтобы добиться более короткого вегетационного периода для злаков, долгие годы работали ученые-агрономы, пока не

заставили ячмень и пшеницу вызревать в 60 дней. Разве это не поэзия? Разве это скучная проза? Там, где некогда лежала мертвая тундра, ныне качаются океаны зерновых злаков. Где картофель считался когда-то тропической неженкой, ныне табак и сахарная свекла возбуждают к себе такой же интерес, как у нас крапива... Разве это не поэзия?»

Интрига «Страны счастливых», завязанная вокруг пришедшей Павлу Стельмаху в Мурманске идеи строительства звездоплана и покорения космического пространства, благополучно разрешалась в итоге полетом на Луну и успешным возвращением космонавтов.

Однако литературная судьба самого романа оказалась куда менее гладкой. Несмотря на то, что он изобилует свойственными тому времени идеологическими клише, несмотря на предпосланное ему предисловие старого большевика, ветерана партии Николая Глебова-Путиловского, в котором утверждалось, что «такая книга... нужна... ее должен прочесть каждый гражданин СССР», официальная критика восприняла утопию Ларри в штыки. В первом номере журнала «РОСТ» за 1932 год сообщалось, что «Страна счастливых» - «классово-враждебное шовинистическое и клеветническое произведение... призывает к тому, чтобы вообще бросить заниматься Землей, а обратить свои взоры на Луну... практически утверждает, что и через 50-60 лет на пяти шестых мира не произойдет никаких социальных изменений... Книга Ларри - насквозь враждебная, не имеющая ничего общего с большевистским пониманием социализма, агитка классового врага». «Страну счастливых» изъяли из библиотек, а ее автора перестали печатать. «Карика и Валю» спас Маршак

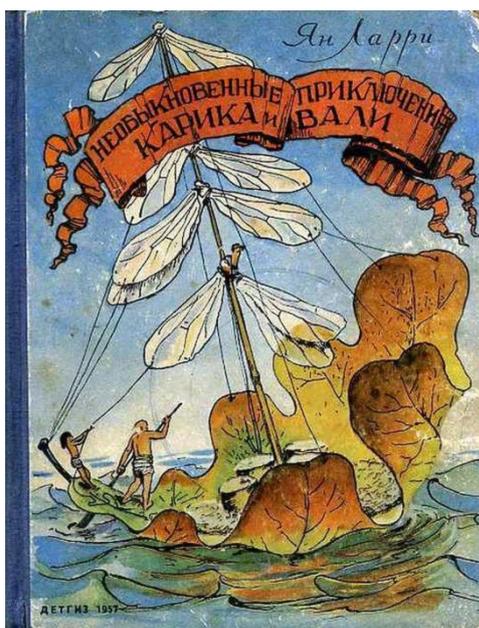
Фото: Самуил Маршак.

Творческая удача пришла, когда Ларри, решив навсегда бросить литературу, в соответствии со своей основной специальностью переквалифицировался в биолога. «Работая аспирантом во ВНИИРХ (Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбного хозяйства), - вспоминал впоследствии Ян Леопольдович, - я одновременно печатал статьи и фельетоны в ленинградских газетах и журналах, и потому, вероятно, мой «шеф», академик Лев Семенович Берг, нередко давал мне поручения как литератору: я редактировал отчеты моих товарищей, писал для стенгазеты, принимал участие в редактировании материалов для бюллетеня. И, кажется, считался среди ихтиологов чуть ли не классиком литературы. Не мудрено, что именно мне предложил однажды Л. С. Берг... написать книгу для детей.

- Видите ли, - пояснил Лев Семенович, - к нам обратился Маршак с просьбой включить ученых в работу Детиздата. Детям нужны книжки о науке, о научных достижениях и проблемах. Мне кажется, вы бы, например, могли написать отличную книгу.

- О рыбах?

- Можно и о рыбах... Но можно бы познакомить ребят с наукой менее известной всем. С энтомологией. Наука эта ждет и своих Колумбов и своих пионеров!»

Результатом беседы с академиком стало появление в 1937 году «Необыкновенных приключений Карика и Вали» - книги, герои которой, уменьшившись до размера насекомых, совершают полное опасностей и открытий путешествие по своему двору. Поначалу критики усмотрели подвох и тут, мол, «неправильно принижать человека до маленького насекомого. Так вольно или невольно мы показываем человека не как властелина природы, а как беспомощное существо». Спасло заступничество Маршака, благодаря которому энтомологическую фантастику напечатал детский журнал «Костер». Повесть быстро обрела популярность, и ее дважды переиздали еще до войны. Потом было анонимное письмо Сталину, арест, приговор. На свободу Ян Леопольдович вышел только в 1956-м. Жил в Ленинграде и до своей кончины в 1977 году успел написать еще несколько детских книжек. В одной из них, «Записках школьницы», снова упомянул Мурманск - город, которому когда-то предрек особую роль в светлом будущем Страны советов. И в том, что касается космонавтики, почти не ошибся, ибо служившему на Кольском полуострове молодому летчику Юрию Гагарину именно в нашем крае пришла однажды мысль о возможном полете в космос. Поневоле вспомнишь Тютчева: «Нам не дано предугадать...»

10. Заполярные мечты автора «Человека-амфибии» (Окончание. Начало в № 240, 245, 1, 5, 10, 15, 19, 23, 33, 36, 40.)

Кадр из фильма «Человек-амфибия».

Сокрытое в закоулках памяти щедрое лето. Шелестящий листвою, пронизанный солнечным светом сад. Каникулы - начальная школа уже позади, а до конца средней далеко, как до таящегося на недоступной глубине морского дна. Не читаю - глотаю «Человека-амфибию». Вместе со мной книгу пытаются постичь ползущий по строчкам муравей, лениво играющий страницами теплый ветер. Им тоже трудно оторваться от встающих за ровными рядами черных букв удивительных стран, необычных событий, звучных имен. Перекатываю во рту, пробую на язык - Ихтиандр, Гуттиэре... Бабушка зовет обедать. Захлопнув потрепанный библиотечный том, бросаю взгляд на обложку. Имя автора - Александр Беляев. И мне еще невдомек, что однажды, много лет спустя, я нежданно-негаданно обрету в этом человеке земляка.

Город контрастов

1932 год стал для нашего края знаковым. 27 января Совнарком принял постановление «О перспективах развития Мурманска и реконструкции Мурманской железной дороги», предопределившее дальнейший бурный рост заполярной столицы и всего региона. 10 мая было утверждено «Положение о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере РСФСР», вызвавшее взрывной приток населения на Кольский полуостров. Прежний, отчасти еще патриархальный Мурман уходил в прошлое. Начиналась форсированная индустриализация. Измученный безденежьем, снедаемый жаждой творческого поиска Беляев появился в самом северном незамерзающем порте страны именно в этот переломный момент.

«Удивительный край! - утверждал он позже в романе «Чудесное око». - Здесь все наоборот: «солнечные ночи», «ночные дни». В этих краях люди выбирают квартиры окнами не на юг, а на север, потому что северный ветер, пролетая над теплым течением Гольфстрима, нагревается, а южный - охлаждается над ледяным горным плато тундры. Суровый край, тяжелый климат. Но всего этого не ощущаешь, даже не замечаешь - так интересен здесь человек и его дело».

Фото: Александр Беляев.

В ту пору из-за очевидного противоречия между грандиозными замыслами и неприглядной действительностью заполярная столица считалась городом контрастов. Еще не было ни одной по-настоящему мощеной улицы. Еще при заправке водой мурманских траулеров посетители городской бани прекращали мытье и ждали, пока восстановится напор в местном маломощном водопроводе.

Разбросанные среди беспорядочного скопища бараков и времянок каменные здания пересчитывали по пальцам. В том же 1932-м их число пополнилось железнодорожной поликлиникой и Домом культуры рыбаков. Кроме того, к 7 ноября город обзавелся важным атрибутом советской цивилизации - первым памятником Ленину.

Будущий классик обостренным писательским чутьем сразу уловил противоречие между планами и реальностью. А поскольку он был фантастом, а не оторванным от жизни мечтателем - то есть при том или ином изначально заданном фантастическом «посыле» - стремился к возможно большей правдивости своих произведений, то вскоре начал предлагать конкретные идеи, осуществление которых могло, по его мнению, сделать Мурманск лучше. Некоторые из них Беляев изложил в материалах, опубликованных в «Полярной правде».

Ветер будет служить нам

Так, в очерке «Голубой уголь», напечатанном 11 марта 1932 года, Александр Романович назвал Кольский Север «счастливым местом», где ветер дует круглый год с силой, вполне достаточной для вращения ветряков и генераторов. «Ветер здесь работает без выходных дней», - замечал фантаст и выдвигал идею создания «аэроэлектростанции» при помощи хитроумного соединения ветряка с насосом. Последний в свободное от подачи энергии время должен перекачивать воду из нижнего водоема в верхний. А отсутствие ветра восполняется выпущенной из верхнего водоема водой, вращающей гидротурбину.

«Перед «Ветростроем» на Мурмане вообще и в городе Мурманске в частности открываются огромные перспективы, - пояснял Беляев. - Ветер, который был нашим бичом, который причинял нам столько неприятностей, аварий, потерь, крепко взнузданный, будет служить нам. Мы заставим его помогать нашему строительству, нашему производству: тянуть вагонетки подвесной дороги, пилить доски на лесопильном заводе, поднимать воду в наши дома, отоплять, освещать их, разгружать траулеры и вагоны, нагружать океанские пароходы - механизировать работы порта и Тралбазы. Нет ничего фантастического и в мысли «ветрофицировать» и наши траулеры... Ветер сэкономит топливо, расходуемое на освещение, даст энергию для механизации работ с тралом...» Эта идея писателя, как и многие другие его придумки, близка к действительности и имела все возможности осуществиться еще в то время: в 1932-м в

Полярное был доставлен первый ветряк. Но по-настоящему сбылась она только в наши дни: нынешние исправно работающие «мельницы», первую из которых воздвигли у гостиничного комплекса «Огни Мурманска», являются неформальными памятниками давней беляевской мысли.

Еще одно смелое для тех лет начинание предложено Беляевым 15 апреля 1932 года в заметке под названием «Создадим Мурманский зоопарк». «Никаких клеток старых зверинцев, - писал он, - только «острова» зверей под открытым небом... Естественный полярный пейзаж без подмалевки». Вполне возможно, этот материал возник под впечатлением от общения Александра Романовича со знаменитым дрессировщиком Дуровым, каковое, по свидетельству литературоведов, имело место. Зоопарки, где для животных создают условия, близкие к естественной среде обитания, сегодня стали реальностью. Но в Мурманске такого пока нет. И каждый год мамы ведут детей смотреть на очередной экзотический зверинец, приехавший со стороны.

Мурманск на переломе

В заполярной столице той поры практически не было цветов и деревьев. Робкие усилия энтузиастов устроить газоны, разбить клумбы к успеху не приводили: не приспособленные к северному климату растения гибли, не успев подняться над землей. «Противоположный берег Кольского залива весь покрыт зеленью, - отмечал Беляев, - а на мурманских площадях торчат редкие черные веники». Александр Романович решил помочь делу и отправил письмо директору Киевского акклиматизационного сада украинской академии наук Николаю Кащенко, много лет проработавшему в Сибири. 11 сентября 1932 года в «Полярной правде» писатель размышлял над проблемами озеленения в Заполярье. «Вместо того, чтобы затрачивать заведомо безнадежный труд и деньги на посадку растений более южных растительных зон, не проще ли... взять готовый материал - карельскую березу, ель, сосну, иву, рябину и прочее». Сегодня Мурманск с полным основанием считается рябиновым городом. А у поэта Виктора Тимофеева даже стихотворение есть, ставшее хорошей песней, - «Рябиновый Мурманск». Так что Беляев и здесь отчасти оказался провидцем.

На время жизни фантаста в заполярной столице пришлось визиты в город двух поразному незаурядных людей: первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Сергея Мироновича Кирова и начинающего писателя Константина Паустовского. Теоретически Беляев мог пересечься с обоими. Как было на самом деле, неизвестно. Интересно, что Паустовский в очерке, посвященном административному центру края, отметил поворотный для города характер текущих событий. «Старый Мурманск обречен на слом, - сообщал он тогда. - Вместо него рождается новый город. Я попал в Мурманск как раз на переломе этой смерти и этого рождения».

Горы рыбы и олени стада

Упомянутый Паустовским новый, грядущий город в своих фантастических произведениях описывал и Беляев, покинувший наш край осенью 1932-го. Северные впечатления он отразил в романе «Чудесное око», впервые опубликованном в 1935 году на украинском языке. Его сюжет закручивался вокруг изобретения радистом мурманского траулера «Серго Орджоникидзе» (интересно, что РТ-85 «Серго Орджоникидзе», принадлежащий Севгосрыбтресту, вступил в строй в 1937 году - Беляев и тут угадал) Мотей Гинзбургом подводного телевизора, одной из сфер применения которого стал поиск косяков рыбы. Свидетелем испытания нового прибора оказался испанский журналист, коммунист Бласко Азорес, приехавший в Мурманск. «Азорес вышел из гостиницы треста в полночь... Внизу горели огни траловой базы. Высоко вздымались корпуса рыбообрабатывающих цехов. Гремели лебедочные цепи. У пристани стояли траулеры. Одни разгружались, другие готовились к отплытию. Сновали транспортеры: к складам - с рыбой, от складов - с солью. Азорес быстро прошел в конец пристани к большому траулеру. Был отлив, и борт

траулера покачивался почти вровень с пристанью. Азорес взошел на борт и поднялся в капитанскую рубку».

Мурманск в этом произведении - центр социалистического, некогда дикого, но преобразенного волей людей Севера. «Мурманск... Консервные и засолочные заводы... Горы рыбы... Оленьи стада... Оленьи колхозы и совхозы... И здесь - перерабатывающие заводы. Сверкает огнями флотационная фабрика города Кировска. Шумят заполярные гидроэлектростанции. Серебряной лентой протянулся Беломорский канал».

База на озере Имандра

В 1938 году в печати появился роман «Под небом Арктики» - история о путешествии американского рабочего в сопровождении советского инженера по советскому Заполярию. Беляев выдвинул там идеи отопления Арктики и Антарктиды, уничтожения вечной мерзлоты, описал подземный арктический курорт, превращенный в вечнозеленый рай.

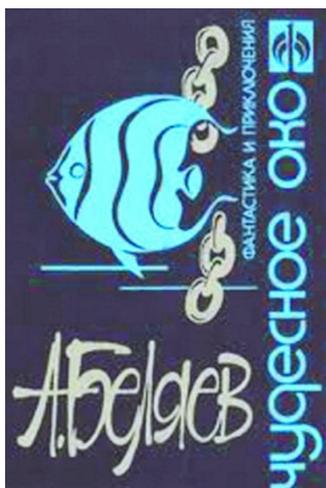

Фото: Обложка романа «Чудесное око».

Один из героев этого произведения - Ольгов - главный «аэрофикатор» Севера. «Он жил на озере Имандра, где находился северный аэропорт, но имел квартиру в Ленинграде, - информировал читателей Беляев. - У него был годовой билет во все ленинградские театры, и, приезжая на побывку домой, Ольгов или посещал театры, или проводил время в кругу друзей. Через несколько дней он уже начинал скучать по своей амфибии и уезжал на Север». Ольгов был летчиком с двадцатилетним стажем. «Сейчас мой маршрут Мурманск - Шпицберген, - извещал он. - А база - на озере Имандра. С Имандры так и летим на Шпицберген. Там бухточка подходящая для посадки есть. Полеты на Шпицберген для меня будничная работа. А так мало ли чего случается! Траулер пропавший разыскивать, или ледокол затрет. Чего со мной не было! Даже самолет в воздухе горел, и ничего, жив, не берет меня никакая сила».

Другой персонаж - лопарь Пелькин вспоминал в романе «свою жизнь, свою карьеру от лопарского мальчика, бродившего со стадами оленей по тундрам, до главного инженера заполярной линии электрификации Севера. Путешествие на ледоколе, полет на аэроплане, авария, первое знакомство с переносной ветросиловой установкой, сыгравшей такую роль в его судьбе... Педагогические курсы в Мурманске, годы учения в Ленинграде... Пелькин был одним из первых нацменов Севера, поднявшихся на уровень высших технических знаний. За ним идут другие...»

Пребывание в Мурманске самого известного советского фантаста можно считать высшей точкой довоенной истории Мурманского фантастического. Кольский полуостров и заполярная столица оставили в судьбе и творчестве писателя свой неповторимый след. Подсчитано, что из 108 фантастических проектов Жюль Верна оказались ошибочными или неосуществимыми на практике 10, из 86 идей Герберта Уэлса не оправдались 9, а из 50 смелых замыслов Беляева - только 3. Вот и многие его мурманские придумки тоже сбылись.

Цикл статей о ранней мурманской фантастике подошел к концу. Завершая его, подчеркну: от того, каким мы видим наше завтра, зависит многое. Вспомните, как только советское общество утратило веру в завтрашний день, развалу, погубившему самую большую державу мира, подвергся день сегодняшний.

Обычно говорят - без прошлого нет будущего. Но верно также и то, что без четких позитивных представлений о грядущем сомнительным становится настоящее... И пусть из всех фантастических прогнозов относительно нашего края, страны и всего человечества сбудутся только хорошие!